

Вещи, которыя мужъ вымѣниваетъ, отдаются немедленно женѣ на храненіе. Всѣ домашнія работы возложены на женщинъ: мужчины считаютъ для себя унижительнымъ исполнять какую-нибудь домашнюю работу.

Съ своими дѣтьми чукчи обращаются чрезвычайно ласково и при разговорѣ съ ними избѣгаютъ бранныхъ словъ. Норденшильдъ говоритъ, что достаточно приласкать дѣтей, чтобы быть чукчами любезно принятымъ въ ихъ палаткѣ. Маленькихъ дѣтей чукчи обыкновенно носятъ на спинѣ.

Главное занятіе кочевыхъ чукчей состоитъ въ оленеводствѣ. Между чукчами-олeneводами есть такіе, которые владѣютъ по нѣскольку тысячъ оленей. Вообще можно сказать, что чукчи-олeneводы считаются болѣе зажиточными, чѣмъ береговые чукчи, главное занятіе которыхъ состоитъ въ ловлѣ тюленей и моржей. Ловятъ ихъ толстыми ремнями сѣтями, которыя пропускаютъ подъ ледъ въ прорубь и въ которыя они запутываются головой или лапами. Бьютъ ихъ также и на сушѣ. Чукчъ надѣвается бѣлое платье, чтобы какъ можно менѣе отличаться отъ снѣга, и приближается незамѣтно къ тюленямъ или моржамъ, грѣющимся на солнцѣ. У него въ рукѣ копьё и палка съ набитыми на концѣ медвѣжьими зубами. Этой палкой онъ скребетъ по льду и снѣгу, чтобы усыпить звѣря и заглушить шорохъ снѣга при своемъ приближеніи. Приблизившись къ нему, онъ поражаетъ его копьемъ. Иногда чукчи, замѣтивши, что тюлени вылѣзли изъ воды на сушу погрѣться на солнцѣ, бросаются на нихъ, отрѣзываютъ путь къ водѣ и гонятъ дальше вглубь суши, гдѣ и убиваютъ копьями и палками.

Отъ тюленей и моржей береговые чукчи получаютъ все имъ необходимое. Мясо и нѣкоторыя части кожи этихъ звѣрей идутъ въ пищу чукчамъ, жиръ служить имъ для топлива и пищи, изъ кожи они дѣлаютъ ремни для упряжи и прочныя подошвы, клыки продаютъ или дѣлаютъ изъ нихъ оружіе для ломки льда и рытья замерзшей земли и, наконецъ, изъ внутренностей и кишокъ они дѣлаютъ непромокаемое лѣтнее платье.

Кромѣ тюленей и моржей, чукчи охотятся также на медвѣдей, ради ихъ мяса и сала, которое они считаютъ лакомствомъ. Для охоты за медвѣдями, они пробраются на льдины Ледовитаго океана, на которыхъ тѣ живутъ.

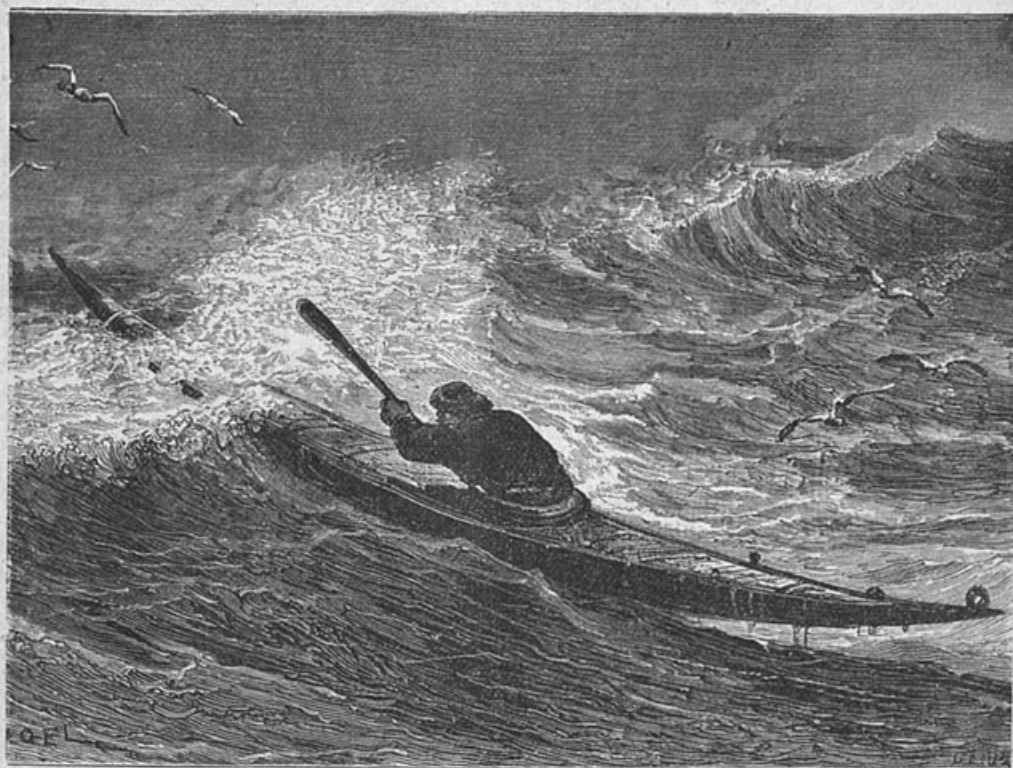
Охотятся они также и на волковъ. Свообразна ихъ охота на нихъ. Берутъ китовый усъ, заостриваютъ съ обоихъ концовъ и свертываютъ въ кольцо, которое перевязываютъ веревочкой, чтобы оно не развертѣлось. Затѣмъ на холодѣ поливаютъ его водой, пока оно не покроется слоемъ льда, и разрѣзываютъ веревочку. Кольцо обмазываютъ толстымъ слоемъ жира и бросаютъ его на тундрѣ. Голодный волкъ поглощаетъ это кольцо. Въ желудкѣ ледъ растаиваетъ и усъ выпрямляется, причиняя волку смертельную рану. Черезъ нѣкоторое время чукчи находятъ волка на тундрѣ мертвымъ.

Занимаются чукчи также ловлей рыбы и птицъ. Рыбу ловятъ или корзинами изъ ивовыхъ прутьевъ, или же сѣтями, сдѣланными изъ тонкихъ ремешковъ, вырѣзанныхъ изъ моржовыхъ кожъ. Для развѣздовъ при ловлѣ рыбы употребляютъ легкія байдары, состоящія изъ деревяннаго или костяного остова, обтянутаго шкурами морскихъ животныхъ, мѣхомъ внутри лодки.

Для ловли птицъ употребляютъ сѣти изъ длинныхъ и узкихъ ремней съ кам-

нями или кусками моржовой кости на концахъ. Чукчи бросаютъ такія сѣти на летящихъ гусей или другихъ птицъ, запутываютъ ихъ и повергаютъ на землю.

Чукчи-оленоводы ведутъ мѣновую торговлю съ береговыми чукчами. Первые со своими оленями перекочевываютъ на берегъ океана и здѣсь вымѣниваютъ у береговыхъ чукчей моржовыя и тюленьи кожи, моржовыя зубы и китовый жиръ; взаменъ этого они доставляютъ береговымъ чукчамъ оленьи шкуры, табакъ и различныя русскія издѣлія.

Для торговли съ русскими чукчи собираются въ мѣста, въ которыхъ бываетъ ярмарка. Такими мѣстами служатъ крѣпостца Островное, Анюй, Колымскъ и друг. Прибывъ на ярмарку, чукчи и другіе инородцы становятся съ своими нартами полукругомъ противъ русскихъ торговцевъ. Послѣ обѣдни въ русской церкви, поднимается флагъ—знакъ открытія ярмарки. Во время ярмарки русскіе торговцы суетливо перебѣгаютъ отъ одного инородца къ другому, восхваляя свой товаръ и прицѣпываясь къ товару инородцевъ. Чукчи же невозмутимо стоятъ возлѣ своихъ нартъ и съ нѣкоторою важностью относятся къ восхваленію русскими торговцами своего товара; они только покачиваютъ головой въ случаѣ сомнѣнія въ добротѣ предлагае-

мага имъ товара. Безъ всякихъ вѣсовъ, они вѣрно на рукѣ взвѣшиваютъ предлагаемый имъ табакъ; не берутъ его, если въ пудѣ не достаетъ хотя фунта. Малѣйшій изъянъ въ товарѣ — и чукчѣ бракуетъ его молча, съ полнымъ хладнокровіемъ.

Вся торговля у чукчей мѣновая; они не знаютъ цѣнности денегъ. Норденшильдъ пишетъ, что 25-ти-рублевая бумажка цѣнится чукчами меньше, чѣмъ красивая обложка отъ мыла, а золотая или серебряная монета меньше, чѣмъ оловянная пуговица. Когда спутники Норденшильда предложили чукчу серебряную монету, то онъ принялъ ее лишь послѣ того, какъ въ ней просверлено было отверстіе, чтобы можно было употреблять ее какъ украшеніе.

Чукчи служатъ посредниками при покупкѣ русскими американскаго пушнаго товара. На своихъ байдарѣхъ они легко и скоро переплываютъ Беринговъ проливъ на берегъ Америки, гдѣ на табакъ вымѣниваютъ у алеутовъ пушные мѣха и везутъ на ярмарку для сбыта русскимъ.

Для переѣздовъ по сухому пути береговые чукчи употребляютъ собакъ, запрягая ихъ въ нарту по четыре в рядъ; чукчи же оленеводы ѣздятъ большею частью на оленяхъ, запрягая ихъ пару и болѣе въ нарту. Нарты свои они дѣлаютъ изъ китовыхъ реберъ.

Въ досужее время чукчи сидятъ въ своихъ палаткахъ и рассказываютъ другъ другу свои походы на охотѣ. Иногда они устраиваютъ скачки и бѣганье взапуски. Скачки начинаются по данному сигналу. Какъ стрѣла мчатся олени, управляемые съ удивительнымъ искусствомъ чукчами. Бѣганье взапуски совершается на снѣгу, иногда довольно глубоко; несмотря на это, многіе чукчи бѣгутъ очень быстро, проворно и неутомимо. Побѣдители награждаются одобреніемъ, а иногда и подарками. Молодые дѣвушки нерѣдко устраиваютъ пляску. Нѣсколько дѣвушекъ становятся одна противъ другой или же рядомъ и съ мимическими движеніями покачиваются въ тактъ; затѣмъ прыгаютъ обѣими ногами заразъ впередъ и поворачиваются кругомъ. Пляска сопровождается пѣніемъ и барабаннымъ боемъ. Барабанъ чукчей состоитъ изъ деревяннаго обруча, перетянутого тонкой кишкой тюленя или моржа. По такому барабану ударяютъ тонкой палочкой изъ китоваго уса. Звуки пѣнія и барабаннаго боя не особенно гармоничны для европейскаго слуха; но достаточно взглянуть на веселыя, улыбающіяся лица чукчей, чтобы понять, что эти звуки имъ очень нравятся и производятъ на нихъ сильное впечатлѣніе.

Пища оленныхъ чукчей состоитъ главнымъ образомъ изъ вареной оленины; осѣдлые же чукчи питаются преимущественно мясомъ, жиромъ и кровью морскихъ животныхъ. Мясо бѣлаго медвѣдя и нѣкоторыя части китовой кожи они считаютъ лакомствомъ. Рыбу они ѣдятъ только при недостаткѣ мяса; соли почти не употребляютъ. Мясной сокъ они смѣшиваютъ со снѣгомъ и эту смѣсь употребляютъ вмѣсто питья. Отъ русскихъ познакомились они съ чаемъ и сахаромъ, и болѣе зажиточные изъ нихъ считаютъ чай для себя необходимымъ напиткомъ; особенно любятъ они сосать сахаръ.

Норденшильду пришлось видѣть, какъ чукчи ѣдятъ. Когда оленина была сварена, говоритъ онъ, чукчи приступили къ ѣдѣ. Во время ѣды они лежали, причемъ туловище находилось во внутренней юртѣ, а голова — подъ оленьими шкурами во внѣшней юртѣ, гдѣ была поставлена пища. Взявъ по куску оленины, они у

самыхъ зубовъ отрѣзывали ножомъ столько, сколько въ одинъ разъ могли разжевать и проглотить. Окончивъ ужинъ, они опять втянули голову во внутреннюю юрту.

Въ промежуткахъ между принятіемъ пищи многіе чукчи, какъ и нѣкоторые другіе инородцы, жуютъ сѣру, что очищаетъ зубы и обильно снабжаетъ желудокъ слюной, способствующей перевариванію тяжелой пищи.

Какъ всѣ инородцы, чукчи любятъ пить водку, въ употребленіи которой они мало разборчивы, чѣмъ и пользуются торговцы, продавая имъ самую плохую водку по высокой цѣдѣ.

Любятъ чукчи также курить табакъ; курятъ изъ длинныхъ трубокъ. При куреніи они затягиваются до одуренія. Кромѣ куренія, они также нюхаютъ, жуютъ и даже проглатываютъ табакъ. Бѣдняки, для которыхъ недоступно куреніе настоящаго табаку, замѣняютъ его моржевой шерстью, выдергиваемой по мѣрѣ надобности изъ одежды.

Х

КОРЯКИ.

Коряки живутъ на пространствѣ отъ средней части полуострова Камчатки до рѣки Анадыри. Они родственны чукчамъ, что доказывается сходствомъ ихъ языка, сбраза жизни, нравовъ, домашней утвари и одежды; видомъ они тоже похожи на чукчей и, подобно послѣднимъ, иногда татуируютъ себя. Число ихъ простирается до 4500 человекъ. Они раздѣляются на кочевыхъ и осѣдлыхъ. Первые живутъ въ оленьихъ палаткахъ, а вторые — въ хижинахъ или землянкахъ. Землянки свои они устраиваютъ такъ: вырываютъ яму около сажени въ глубину и до двухъ или трехъ сажень въ длину и ширину. Стѣны ямы обкладываютъ досками, а сверху настилаютъ жерди, на которыя насыпаютъ землю, оставляя небольшое отверстіе, служащее и окномъ, и дверью, и дымовой трубой. Въ землянку спускаются по бревну, стоящему наклонно. Внутри ея, прямо подъ отверстіемъ, устраиваютъ изъ камней очагъ, на которомъ почти всегда горитъ огонь. Около стѣнъ землянки идутъ лавки, покрытыя травяными рогожами и шкурами.

Хижины или землянки коряковъ никогда не очищаются, а потому въ нихъ всегда бываетъ непролазная грязь и нечистота. Остатки отъ приготовляемой или принимаемой пищи бросаются на полъ, гдѣ и гниютъ, заражая собою воздухъ, который бываетъ до того испорченъ, что непривыкшій человекъ не можетъ пробыть въ немъ и полчаса. Извнѣ землянки имѣютъ видъ холмиковъ. Онѣ нерѣдко бываютъ огорожены частоколомъ или обведены землянымъ валомъ.

Домашняя утварь коряковъ состоитъ изъ нѣсколькихъ мисокъ, котловъ и корытцевъ.

Живя грязно, коряки любятъ наряжаться въ платье, которое шьется изъ шкуръ собачьихъ, оленьихъ и медвѣжьихъ и украшается полосками цвѣтного сукна и пуговицами.

Въ настоящее время почти всѣ коряки считаются христіанами; но не многіе изъ нихъ имѣютъ ясное понятіе объ истинахъ этой религіи. Все-таки они почти забыли свои прежнія языческія вѣрованія и не чтутъ своихъ прежнихъ идоловъ. До распространенія христіанства они чтили духа Апацеля, властителя вселенной, и идола Хантая, очистителя грѣховъ. Верхняя половина этого послѣдняго была чело-вѣческая, а нижняя — рыба. Ежегодно коряки вырѣзывали изъ дерева новаго идола Хантая и ставили его рядомъ съ прежнимъ, такъ что въ иной землянкѣ помѣщалось нѣсколько ихъ. Кромѣ Хантая, коряки чтили еще идола Ажушара. Этотъ идолъ имѣлъ видъ столбика съ верхушкою, обдѣланною въ видѣ чело-вѣче-

ской головы; онъ ставился обыкновенно надъ домашнею посудой и считался сто-рожемъ, отгоняющимъ отъ землянки злыхъ лѣсныхъ духовъ.

Несмотря на то, что коряки не чтутъ своихъ прежнихъ боговъ и идоловъ, они все-таки иногда приносятъ въ жертву собаку или оленя, хотя, впрочемъ, и не знаютъ, кому приносить эту жертву. Принося жертву, они приговариваютъ: „Это для тебя, дай намъ и ты что-нибудь“. У нихъ сохранилась еще вѣра въ шамановъ, къ помощи которыхъ они прибѣгаютъ въ болѣзни или тяжелыхъ случаяхъ.

Коряки, особенно кочевые, отличаются правдивостью. Единственной клятвой ихъ служатъ слова: „Это вѣрно, я не лгу“.

Убийство признается ими большимъ преступленіемъ, вызывающимъ месть со стороны родственниковъ убитаго; оскорбленіе чести считается тоже преступленіемъ и влечетъ за собою месть; воровство же не признается дѣломъ невозвильнымъ, если только слѣды его ловко скрыты.

Всѣ споры и несогласія членовъ семьи обыкновенно разбираетъ старшій членъ ея, и его рѣшенію должны всѣ подчиняться; споры же между членами различныхъ семействъ рѣшаетъ старшина.

Коряки, какъ и другіе инородцы, отличаются гостепріимствомъ. При пріѣзѣ пріѣхавшаго гостя соблюдается слѣдующій обычай: пріѣхавшій гость отпиргаетъ оленей и остается въ своихъ саняхъ до тѣхъ поръ, пока хозяйка не скажетъ ему, что хозяинъ дома. Вылѣзаетъ изъ землянки хозяинъ. Гость приближается къ землянкѣ, и хозяинъ предлагаетъ ему войти въ нее. Когда гость войдетъ, хозяинъ, показывая ему мѣсто, проситъ его сѣсть и начинаетъ его угощать.

При встрѣчѣ коряки привѣтствуютъ другъ друга словами: „Желаю теплаго дня“. Ясно, что въ суровомъ климатѣ такое привѣтственное пожеланіе можетъ считаться однимъ изъ лучшихъ.

При бракѣ у коряковъ соблюдаются слѣдующіе обряды: собираются гости. Ихъ угощаютъ мясомъ, жиромъ, рыбой и т. п. Послѣ ѣды раздается мѣрный барабанный бой. Входятъ старый корякъ съ оханкой ивовыхъ прутьевъ; онъ раздаетъ ихъ всѣмъ присутствующимъ. Барабанный бой прекращается, и барабанившій начинаетъ пѣть речитативомъ, сначала тихо, а затѣмъ все громче и громче, и наконецъ пѣніе его переходитъ въ дикую и энергическую пѣсню. У входа въ каждую палатку помѣщаются по двѣ или по три женщины съ прутьями. Престарѣлый корякъ выводитъ изъ палатки жениха и невѣсту. Съ появленіемъ ихъ снова раздается барабанный бой и гости начинаютъ горланить во всю мочь. По сигналу, данному престарѣлымъ корякомъ, невѣста бросается бѣжать. Женихъ старается ее догнать. Она перебѣгаетъ изъ палатки въ палатку, а за нею слѣдуетъ женихъ. Женщины всевозможными мѣрами стараются помѣшать ему поймать невѣсту: онъ бьетъ его прутьями, закрываютъ передъ нимъ входъ въ палатку, стараются подцѣпить его, чтобы онъ упалъ. Онъ съ поразительнымъ терпѣніемъ преодоливаетъ всѣ эти препятствія и, наконецъ, ловитъ невѣсту. Барабанный бой и пѣніе прекращаются, свадьба считается оконченной и гости расходятся.

Богатые платятъ за невѣсту калымъ, а бѣдные вступаютъ въ услуженіе къ родителямъ невѣсты и такимъ образомъ зарабатываютъ себѣ право получить жену.

Приданое жены, по установившемуся обычаю, остается ея неотъемлемой собственностью до рожденія перваго ребенка; послѣ рожденія его, ея олени переходятъ

во владѣніе мужа, для обезпеченія дѣтей. Если бракъ бездѣтенъ, то стада мужа и жены, послѣ ихъ смерти, переходятъ въ наслѣдство къ ближайшимъ ихъ родственникамъ. По смерти отца, всѣ сыновья дѣлятъ имущество его между собою поровну. Вдова пользуется пожизненнымъ приплодомъ отъ оленей, полученныхъ ею въ приданое; послѣ ея смерти приданое ея переходитъ къ сыновьямъ, которые при раздѣлѣ его должны вознаграждать своихъ сестеръ подарками. Въ семьѣ, гдѣ много братьевъ, младшій, если онъ не женатъ, можетъ жениться на вдовѣ старшаго брата; но старшему брату, холостому или вдовцу, не дозволяется вступить въ бракъ со вдовою младшаго брата. Если всѣ братья женаты, то вдова каждого изъ нихъ можетъ выйти за чужого. Многоженство, бывшее прежде въ обычаѣ у коряковъ, въ настоящее время почти не случается.

Когда у коряка родится ребенокъ, приводятъ къ родильницѣ оленя, котораго тутъ же и убиваютъ въ жертву духамъ. Кромѣ того, для новорожденнаго отецъ отдѣляетъ нѣсколько оленей, которыхъ отмѣчаетъ особымъ знакомъ на ухѣ. Приплодъ отъ этихъ оленей принадлежитъ ему же. Такимъ образомъ, когда ребенокъ возмужаетъ, онъ является владѣтелемъ довольно значительнаго стада. Вскорѣ послѣ рожденія ребенку даютъ имя. Въ палатку или землянку собираются родные. Одна изъ старыхъ женщинъ привязываетъ къ столбу стеклянный шарикъ и начинаетъ медленно перебирать одно за другимъ имена любимѣйшихъ изъ умершихъ мужчинъ или женщинъ, смотря потому, какого пола ребенокъ. Ребенку дается то имя, при произнесеніи котораго шарикъ случайно шевельнется; коряки убѣждены, что любимый покойникъ шевельнулъ шарикомъ и тѣмъ какъ бы указалъ, что счастье, которое онъ имѣлъ въ жизни, должно перейти на новорожденнаго. Дѣтей своихъ, для теплоты, коряки зашивають въ оленьи мѣшки. Запитаго въ мѣшокъ ребенка мать носить на спинѣ.

Дѣти у коряковъ съ раннихъ лѣтъ приучаются къ занятію, свойственному ихъ полу: дѣвочки приучаются шить одежду, готовить пищу, плести сѣти, сушить рыбу, а мальчики — стрѣлять изъ лука или ружья, пасти оленей, ловить рыбу и т. п.

Покойниковъ коряки сожигаютъ на кострѣ съ ихъ оружіемъ и необходимыми при жизни вещами, а любимыхъ покойникомъ оленей убиваютъ, мясо ихъ съѣдаютъ, а все остальное также сожигаютъ на кострѣ. Возвращающихся домой съ похоронъ шаманъ ударяетъ слегка розгою, произнося заклинаніе, которымъ будто бы запрещаетъ умершему приходить за живыми.

Занятіе кочевыхъ коряковъ состоитъ главнымъ образомъ въ оленеводствѣ, а осѣдлыхъ — въ рыболовствѣ и охотѣ за пушными звѣрями и морскими животными. Приемы ловли пушныхъ звѣрей и морскихъ животныхъ тѣ же, что и у чукчей.

Коряки неразборчивы въ пищу. Они ѣдятъ мясо лавшихъ оленей и другихъ животныхъ. Главною же ихъ пищею служитъ рыба, которая ловится въ неимѣнномъ множествѣ. Для храненія запаса рыбы строятся балаганы на высокихъ подставкахъ. Взлѣзають на эти балаганы съ помощью бревна съ зарубками.

Рыбу коряки обыкновенно варятъ въ глиняныхъ или чугунныхъ котлахъ. Въ прежнее время, когда они еще не имѣли возможности получать отъ русскихъ глиняной или чугунной посуды, они варили рыбу въ деревянныхъ корытцахъ, при

чемъ, положивши ее въ корыто, паливали его водой и затѣмъ, раскаливши нѣсколько камней, клали ихъ одинъ послѣ другого въ воду съ рыбой. Вода нагрѣвалась и рыба варилась. Приготовляли коряки рыбную пищу и такимъ образомъ: множество рыбныхъ головъ сваливали въ яму и оставляли ихъ тамъ, изрѣдка перемѣшивая, — до тѣхъ поръ, пока вся масса не прокисала. Приготовленная такимъ образомъ пища издавала нестерпимый запахъ, однако коряки ѣли ее съ большимъ аппетитомъ.

Кромѣ мяса и рыбы, коряки питаются разными кореньями, добывая ихъ изъ норъ особаго рода мышей.

Какъ опьяняющій напитокъ, коряки употребляютъ иногда настой мухоморовъ. Настой этотъ вреденъ для здоровья, и продажа мухоморовъ запрещена закономъ; однако коряки вымѣниваютъ ихъ у торговцевъ на оленей и шкурки пушныхъ звѣрей.

КАМЧАДАЛЫ.

Камчадалы живутъ на полуостровѣ Камчаткѣ, преимущественно на южной его части. Они сами себя называютъ *кроша* (люди) или *ительмень* (жители). Названіе *камчадалы* произошло отъ рѣки Коочъ, протекающей по Камчаткѣ. Словомъ „Коочъ-ай“ назывался у жителей Камчатки всякій, живущій при рѣкѣ Коочъ. Изъ „Коочъ-ай“ у коряковъ образовалось слово *Кончалю*, а изъ этого слова наши казаки образовали слово *Камчадалы*.

Въ настоящее время камчадаловъ насчитывается до 4 тысячъ человѣкъ; въ прежнее же время ихъ было значительно больше.

Видъ камчадаловъ свидѣтельствуешь объ ихъ монгольскомъ происхожденіи. Они имѣютъ темно-желтый цвѣтъ кожи, черные волосы, рѣдкую бороду, плоское, широкое лицо, выдавшіяся скулы, большой ротъ и толстыя губы. Ростъ ихъ средній или даже ниже средняго, плечи широкія и животъ отвислый. Женщины съ особенной тщательностью защищаютъ кожу на своемъ лицѣ отъ загара, отчего она у нихъ значительно блѣдѣе, чѣмъ у мужчинъ.

Одеждой камчадаловъ служитъ куклянка или мѣховая рубашка до колѣнъ; она бываетъ обшита у ворота и на рукавахъ бобровымъ или другимъ цѣннымъ мѣхомъ. Ноги они обуваютъ въ торбасы или сапоги изъ тюленьей кожи. Подъ ними они носятъ чулки изъ оленьей шкуры и мѣховые штаны. На голову надѣваютъ лисій капоръ съ длинной бахромой изъ шерсти. Украшеніемъ капора женщины часто служатъ два бѣлые лоскутка изъ шкуры росомахи, въ подражаніе морской птицѣ мычаткѣ, у которой на головѣ два бѣлые хохла. Случалось, что камчадалки охотно отдавали за два такіе лоскутка одного или даже двухъ бобровъ.

Въ прежнее время жилищемъ для камчадаловъ служили землянки. Въ настоящее же время они строятъ себѣ избушки и балаганы. Избы свои они строятъ изъ бревенъ и покрываютъ сухой осокой или лубочными полосами. Въмѣсто стеколъ, оконныя рамы затягиваютъ прозрачными пузырями. Дверь дѣлаютъ маленькую, почти квадратную. Дымъ отъ очага выходитъ въ трубу, сдѣланную изъ длинныхъ жердей, обмазанныхъ толстымъ слоемъ глины. Около избушки устриваются на высокихъ деревянныхъ подставкахъ балаганы, служащіе для храненія рыбы и другихъ съѣстныхъ припасовъ.

Многіе камчадалы зимой живутъ въ своихъ зимнихъ избушкахъ, выстроенныхъ вдали отъ океана, среди лѣса или горъ; на лѣто же они переселяются къ взморью, на устье какой-нибудь рѣки. Такое переселеніе обуславливается какъ климатомъ страны, такъ и занятіями камчадаловъ лѣтомъ и зимой.

Камчадалы отличаются добродушіемъ и привѣтливостью; они охотно помогаютъ другъ другу въ нуждѣ. За выказанное къ нимъ участіе они признательны и

стараются отплатить всевозможными услугами. По их нравственнымъ понятіямъ признается проступкомъ все то, что причиняетъ вредъ. Согласно съ этимъ, признается, напр., грѣхомъ подниматься на вулканическую гору, такъ какъ это сопряжено съ большою опасностью для жизни; считается также грѣхомъ завести ссору изъ-за дурной рыбы, такъ какъ отъ такого неважнаго повода могутъ возникнуть вредныя послѣдствія.

Къ начальствующимъ лицамъ камчадалы относятся съ большимъ почтеніемъ. Къ своимъ дѣтямъ они относятся нѣжно, и матери носятъ ихъ съ собой на спинѣ въ деревянныхъ ящикахъ.

Камчадалы, какъ и другіе инородцы, гостепріимны. Попотчевать гостя составляетъ для нихъ удовольствіе. Желая угостить его, они готовятъ въ нѣсколькихъ корытахъ сушеной, толченой и квашеной рыбы и икры съ брусникой, затѣмъ жарко топятъ хижину и приглашаютъ въ нее гостя. Такъ какъ въ избѣ жарко, то хозяинъ и гость снимаютъ съ себя верхнюю одежду. Приличіе требуетъ, чтобы гость съѣлъ все, что для него приготовлено. Какъ выраженіе своего вниманія къ гостю, хозяинъ беретъ кусокъ китоваго или нерпичьяго жира, всовываетъ его гостю въ ротъ и отрѣзываетъ остатокъ около самыхъ его губъ. Угощаютъ гостя до тѣхъ поръ, пока онъ можетъ ѣсть. Обычай требуетъ, чтобы гость отплатилъ хозяину такимъ же угощеніемъ.

Камчадаловъ считаютъ лѣнливыми; это качество, конечно, можетъ быть припи-

сано имъ по сравненію съ цивилизованными европейцами, которые развили въ себѣ потребность къ дѣятельности и скучаютъ безъ серьезнаго занятія. Камчадалъ принимается за работу только тогда, когда къ этому побуждаетъ его нужда или голодъ. Если же нѣтъ такого побужденія, онъ предпочитаетъ лежать безъ всякаго дѣла въ своей хижинѣ.

Характеръ камчадаловъ, ихъ душевное настроеніе отразились въ ихъ преданіяхъ и пѣсняхъ. Пѣсни ихъ служатъ выраженіемъ скорѣе мягкихъ, добрыхъ чувствъ, напр., чувства любви, ласки, чѣмъ грубыхъ, суровыхъ чувствъ, напр., гнѣва, мести и т. п. Напѣвъ и музыка ихъ носятъ большею частью печальный характеръ: въ нихъ слышится какое-то смутное, безотчетное сожалѣніе о чемъ-то невозвратномъ.

При пѣніи камчадалы акомпанируютъ себѣ на трехугольной балалайкѣ о двухъ струнахъ или на свирѣли.

Навеселѣ камчадалы пляшутъ подъ звуки балалайки, при чемъ видимо подражаютъ движеніямъ нѣкоторыхъ животныхъ.

Религіозныя понятія камчадаловъ, до принятія ими христіанства, были спутаны и неопредѣленны. Они олицетворяли и обоготворяли тѣ предметы, которые производили на нихъ особенно сильное впечатлѣніе. Такъ, они вѣрили въ боговъ вулканическихъ горъ, признавая ихъ злыми духами, которые ночью сходятъ съ горъ на море ловить рыбу. Вѣрили они также, что на высокихъ, покрытыхъ вѣчнымъ снѣгомъ горахъ живутъ особенные духи, которые ѣздятъ на санкахъ, запряженныхъ бѣлыми куропатками и черными лисицами. Облака, по ихъ понятію, подчинены особому богу, обладающему силой посылать на землю дождь и градъ. Этотъ богъ похищалъ маленькихъ дѣтей, обязанныхъ держать свѣтильники, освѣщающіе его жилище. Воображеніе камчадаловъ населяло рѣки и озера водяными, которые топятъ плавающихъ, а лѣса — лѣшими, которые стараются сбить путника съ пути, помрачая его умъ.

По преданію камчадаловъ, земля принесена съ неба сыномъ высшаго существа Кутомъ. Этотъ богъ утвердилъ ее на водѣ и самъ поселился на ней. Здѣсь у него родились сынъ и дочь, которые сочетались бракомъ. Куть, по мнѣнію камчадаловъ, надѣлалъ при созданіи земли много промаховъ, отчего они не только не поклонялись ему, но даже бранили его. Къ чему, разсуждали они, на землѣ такъ много горъ, пропастей, утесовъ, бурныхъ потоковъ и рѣкъ, такъ часты дожди, такъ сильны бури, грозы и проч.

Землетрясенія, по понятію камчадаловъ, происходятъ отъ того, что собака бога Туйла сотрясаетъ съ себя снѣгъ.

У камчадаловъ были колдуньи, которыя своимъ видомъ, костюмомъ и таинственностью своихъ дѣйствій возбуждали въ нихъ чувство страха. Пользуясь ихъ довѣрчивостью, онѣ обманывали ихъ, занимаясь гаданьемъ, врачеваньемъ и искусствомъ предотвращать несчастья.

Съ прошлаго столѣтія между камчадалами начало распространяться христіанство. Благодаря миссіонерской дѣятельности, въ настоящее время почти всѣ камчадалы крещены, и прежнія ихъ вѣрованія потеряли для нихъ свое значеніе. Иногда только вѣрованія эти проглядываютъ въ случайномъ приношеніи ничтожной жертвы тому или другому изъ забытыхъ боговъ.

Какъ выраженіе господства христіанства надъ прежними языческими вѣрованіями камчадаловъ, въ настоящее время почти въ каждомъ значительномъ камчадальскомъ селеніи красуется православная церковь, окрашенная обыкновенно въ красный цвѣтъ, съ двумя куполами зеленого или голубого цвѣта.

Бракъ у камчадаловъ совершается послѣ уплаты женихомъ калыма за невѣсту. Случается, что женихъ, не имѣя чѣмъ уплатить калымъ, поступаетъ въ услуженіе къ родителямъ невѣсты и исполняетъ всѣ работы по ихъ хозяйству.

Умершихъ камчадалы въ прежнее время бросали на съѣденіе дикимъ звѣрямъ, ибо вѣрили, что трупъ покойника, съѣденный ими, явится въ загробную жизнь въ обновленномъ, лучшемъ видѣ. Въ настоящее же время они большею частью погребаютъ своихъ покойниковъ.

Мѣстопробываніемъ умершихъ они считали вулканическія горы, при чемъ думали, что дымъ, выходящій изъ этихъ горъ, означаетъ, что умершіе топятъ свои избы.

Для ѣзды прежде служили собаки. Въ настоящее время они хотя и не оставили ѣзды на собакахъ, однако держать и лошадей, на которыхъ ѣздить преимущественно лѣтомъ.

Сани или нарты для ѣзды на собакахъ отличаются легкостью и прочностью. Остовъ ихъ состоитъ изъ брусьевъ, связанныхъ ремнями изъ тюленьей кожи и поставленныхъ на широкіе, выгнутые полозья. Собакъ запрягаютъ въ нарты попарно къ длинному ремню изъ тюленьей кожи. Управляютъ ими крикомъ.

Нужно замѣтить, что изъ всѣхъ сибирскихъ собакъ камчатскія собаки наиболѣе пригодны для ѣзды. Онѣ сильны, выносливы и быстро бѣгутъ. Пробѣжать по хорошей дорогѣ верстъ 80 въ день для нихъ не особенно трудно. Камчадалы любятъ своихъ собакъ и дорожатъ ими не менѣе, чѣмъ жители другихъ странъ дорожатъ лошадьми. Они очень искусны въ приученіи собакъ къ ѣздѣ. Для упряжи выбираютъ молодыхъ собакъ съ длинными лапами, длинными ушами, острой мордой, широкой спиной. Щенятъ, выбранныхъ для дрессировки, держатъ взаперти до тѣхъ поръ, пока окажется возможнымъ подвергнуть ихъ испытанію. Въ первый разъ ихъ запрягаютъ вмѣстѣ съ выученными уже собаками. Они рвутся впередъ и изъ всѣхъ силъ тащатъ нарты съ камчадаломъ. Затѣмъ ихъ опять запираютъ въ темное помѣщеніе и черезъ нѣкоторое время снова запрягаютъ вмѣстѣ съ старыми собаками. Такъ поступаютъ до тѣхъ поръ, пока молодые собаки не приучатся къ упряжи.

Зимою хозяева кормятъ своихъ собакъ мерзлой рыбой; лѣтомъ же отпускаютъ ихъ на волю, и онѣ сами добываютъ себѣ пищу, подбирая рыбу на отмеляхъ рѣкъ и озеръ.

Главное занятіе камчадаловъ состоитъ въ рыболовствѣ. Въ камчатскихъ рѣкахъ водится такъ много рыбы, что весною, когда она идетъ съ океана въ рѣки, ее можно ловить руками. Любимая камчадалами рыбы—*чегыча*. Стадо ея идетъ вверхъ по рѣкѣ съ такимъ стремленіемъ, что предъ нимъ поднимается волна. Камчадалы, завидя эту волну, бросаются въ лодки, закидываютъ свои сѣти и безъ счету налавливаютъ добычи.

Водится въ камчатскихъ рѣкахъ также рыба *горбуша*. Стада ея такъ велики и густы, что когда они идутъ, то поднимается уровень воды въ рѣкѣ. Водится въ нихъ также множество семги, уловъ которой производится преимущественно весной.

Для ловли рыбы, кромѣ сѣтей, камчадалы употребляютъ верши, корзины, невода и другіе рыболовные снаряды.

Наловленную рыбу женщины разрѣзываютъ, потрошатъ и вѣшаютъ на шесты для сушенія.

Кромѣ рыболовства, занимаются камчадалы также охотой. На полуостровѣ водится много соболей, горностаевъ, медвѣдей, дикихъ оленей и другихъ звѣрей. Какъ только окончится рыболовство, камчадалы складываютъ всю свою рыбу въ балаганы и, перебравшись въ зимнія хижины, приступаютъ къ занятію охотой. Они ставятъ ловушки, капканы и охотятся на лыжахъ или конькахъ, съ собакой.

Почва Камчатки плодородна и способна къ разведенію огородовъ. Отъ русскихъ камчадалы научились огородничеству, и многіе изъ нихъ съ успѣхомъ разводятъ картофель, капусту, рѣпу и другіе овощи, идущіе въ пищу. Кромѣ того, на Камчаткѣ растетъ множество кропивы, достигающей до сажени вышины. Камчадалы срѣзываютъ эту кропиву и изъ волоконъ ея готовятъ бечевки и веревки, идущія на сѣти и другія хозяйственные надобности. Далѣе, изъ травы камчадалы плетутъ ковры, которыми устилаютъ полы своихъ избъ.

Пищей камчадаловъ служитъ преимущественно рыба, которой у нихъ всегда вдоволь. Питаются они также птицами, которыхъ бьютъ и ловятъ на рѣкахъ и озерахъ полуострова. Держа коровъ, почти всѣ камчадалы могутъ имѣть молоко, сыръ и другіе молочные продукты. Отъ своихъ огородовъ они имѣютъ овощи, которыми разнообразиваютъ свою пищу. Познакомившись отъ русскихъ съ хлѣбомъ, они полюбили его и стали сѣять рожь и молоть муку для хлѣба. Употребляютъ они въ пищу также ягоды, корни и травы. Корень *сараны* сушатъ и употребляютъ для приготовленія каши и лепешекъ. Изъ смѣси кореньевъ, ягодъ, икры, китоваго или тюленьяго жира и копченой рыбы они готовятъ свое любимое блюдо—*селачу*.

Запасая продовольствіе на зимніе мѣсяцы, камчадалы отыскиваютъ норы особой породы мышей—домоводокъ—и вынимаютъ оттуда большую часть ихъ запаса кедровыхъ орѣховъ, зеренъ и кореньевъ.

Отъ русскихъ камчадалы познакомились съ водкой, и она имъ настолько понравилась, что они считаютъ для себя большимъ наслажденіемъ напиться допьяна. При неимѣніи водки, они пьютъ настой мухомора.

Пищу они держатъ въ деревянныхъ мискахъ, чугунныхъ котлахъ и лубочныхъ ведрахъ. При ѣдѣ не употребляютъ ни ложекъ, ни вилокъ, довольствуясь только ножомъ.

ХІІ.

ЯКУТЫ.

Якуты населяютъ Якутскую область, по бассейнамъ Лены, Яны, Индигирки и Колымы. Ихъ насчитываютъ до двухсотъ-тридцати тысячъ человѣкъ обоюго пола.

Страна, на которой поселились якуты, представляетъ мало удобствъ къ жизни; но, несмотря на это, они обжились въ ней и думаютъ, что не можетъ быть болѣе благодатной страны.

Первоначально якуты жили около Байкальскаго озера и на рѣкѣ Ангараѣ, но вытѣсненные оттуда бурятами и другими инородцами, двинулись на сѣверъ и сѣверо-востокъ и заняли мѣстность, которую населяютъ въ настоящее время.

Якуты сами себя называютъ *золами*. Якутами называли ихъ впервые русскіе, которые смѣшали ихъ съ юкагирами, живущими въ сосѣдствѣ съ ними.

Якуты относятся къ турецко-татарскому (тюркскому) племени. Они имѣютъ смуглый цвѣтъ лица, широкій приплюснутый носъ, черные, блестящіе узкіе глаза и черные волосы; бороды и усовъ не имѣютъ, такъ какъ выдергиваютъ волосы, когда они начинаютъ расти; волосы на головѣ стригутъ коротко, оставляя длинными только на затылкѣ; женщины заплетаютъ косы.

Одежда якутовъ состоитъ изъ шубы или кафтана до колѣнъ длиною, съ разрѣзомъ назади, для удобства при верховой ѣздѣ. Зимой сверхъ этой шубы надѣваютъ еще другую шубу, называемую *санаякъ*; на голову надѣваютъ суконную шапку, обшитую по околышку мѣхомъ. На шею надѣваютъ бѣличьи хвосты, а на руки—рукавицы изъ лисьихъ лапъ. На ладоняхъ рукавицъ дѣлается прорѣха, чрезъ которую, не снимая рукавицы, можно высунуть руку, если нужно сдѣлать что-нибудь на морозѣ голою рукою. На ноги надѣваютъ кожаные узкіе панталоны (сугуры) и длинные сапоги изъ кожи оленьихъ или лошадиныхъ ногъ (торбасы); подъ колѣномъ и выше колѣна они перевязываются ремнями. Одежда женщинъ похожа на одежду мужчинъ, только шуба или кафтанъ ихъ дѣлается длиннѣе; онѣ любятъ украшать себя огромными серебряными или мѣдными серьгами, серебрянымъ широкимъ ожерельемъ и широкими браслетами. Шапка ихъ, будучи похожа на мужскую, отличается отъ послѣдней только изобильнымъ шитьемъ поверху.

Одежда богатыхъ якутовъ и якутокъ отличается отъ одежды бѣдныхъ болѣе дорогою матеріей, которою покрывается шуба, болѣе изобильнымъ шитьемъ и серебрянымъ поясомъ съ разными чеканеными на немъ фигурами.

Якуты лѣтомъ живутъ въ берестяныхъ чумахъ, которые при перекочевкѣ перевозятся; чумы ихъ похожи на чумы самоѣдовъ и другихъ сѣверныхъ инородцевъ. Зимой они живутъ въ избушкахъ, сдѣланныхъ изъ досокъ или тонкихъ бревенъ,

прикрѣпленныхъ къ четыремъ столбамъ. Снаружи избушки обмазаны глиной, смѣшанной съ навозомъ, или обложены дерпомъ. Низкая кровля изъ жердей покрывается сѣномъ, а потомъ слоемъ земли. Свѣтъ въ избушку проникаетъ чрезъ одно или два небольшія оконца съ вставленными въ нихъ льдинами. Низкая дверь всегда обращена къ востоку. Полъ у бѣдныхъ опущенъ внизъ фута на два и плотно убитъ; у богатыхъ онъ приподнятъ и выстланъ досками. Вдоль стѣнъ избушки устроены постели, отгороженные одна отъ другой лошадиными кожами или досками. Посрединѣ ся, поближе къ дверямъ, стоитъ чумаль или очагъ, съ трубою, проведенною въ кровлю; въ немъ безпрестанно горитъ огонь, для тепла и варки пищи. По стѣнамъ избы развѣшаны платье и другія принадлежности якутовъ. Возлѣ избушки устраивается обыкновенно нѣсколько сараевъ для коровъ и телятъ. Впрочемъ, очень часто телята и жеребята помѣщаются въ самой избѣ, вмѣстѣ съ людьми.

Въ якутскихъ избушкахъ всегда бываетъ до крайности грязно; воздухъ въ нихъ обыкновенно испорченъ. Вслѣдствіе испорченности воздуха въ избушкахъ и крайней нечистоплотности якутовъ, какъ они сами, такъ и всѣ вещи ихъ пропитываются непріятнымъ запахомъ; даже ягоды и молоко, продаваемые ими русскимъ, отдають этимъ запахомъ.

Свои хижины или чумы якуты ставятъ разбросанно, въ нѣсколькихъ верстахъ одна отъ другой. Въ каждой хижинѣ живетъ два или три семейства, связанные между собою родствомъ. Пастбища и сѣнокосы якутовъ прилегаютъ большею частью къ ихъ избамъ или чумамъ.

Многолюдныхъ деревень или селеній у якутовъ нѣтъ. Нѣсколько десятковъ избушекъ или чумовъ, расположенныхъ на извѣстномъ пространствѣ, составляютъ *наслегъ* или, по мѣстному произношенію, — *ночлегъ*. Нѣсколько наслеговъ составляютъ *улусъ*. Въ улусѣ живетъ нѣсколько сотъ и даже до тысячи и болѣе человекъ. Улусомъ управляетъ избранный народомъ и утвержденный русскимъ начальствомъ *юлова*, а наслегомъ — *староста* и его помощники — *старшины*. Староста и старшины наблюдаютъ за порядкомъ въ наслегѣ и заботятся объ исправномъ взносѣ податей.

Якуты отъ природы одарены довольно значительными умственными способ-

ностями; они обладают сильною памятью: все событія изъ своей жизни они помнятъ съ удивительною отчетливостію и ясностію. Достаточно якуту разъ проѣхать по дорогѣ, чтобы навсегда запомнить каждый кустикъ, ручеекъ, пригорокъ. Изъ вѣшнихъ чувствъ особенно сильно у якутовъ зрѣніе; они ясно видятъ на такомъ далекомъ разстояніи, на какомъ ни одинъ европеецъ не въ состояніи ничего различить. Нѣкоторые якуты невооруженнымъ глазомъ видятъ такія звѣзды, которыя европейцу видны только въ подзорную трубу.

Благодаря своей перемчивости и умственной способности, якуты легко научаются ремесламъ. Они плотничаютъ не хуже настоящихъ русскихъ плотниковъ; столярныя издѣлія они производятъ не хуже русскихъ столяровъ: большая часть мебели, употребляемой жителями Якутска, дѣлается руками якутовъ. Нѣкоторые якуты научаются дѣлать кинжалы и ножи, и издѣлія ихъ не заставляютъ желать лучшаго. Рукоятка якутскихъ кинжаловъ искусно украшается оловомъ, ножны къ нимъ дѣлаются изъ бересты, обтягиваются черной кожей и, для прочности, оковываются желѣзными полосками. Изъ мамонтовой кости они искусно дѣлаютъ гребни, гребенки и разныя другія издѣлія, а изъ бѣлыхъ и цвѣтныхъ кожъ—изящныя ковры. Многія якутки поступаютъ въ русскіе дома въ услуженіе няньками, швеями, горничными, кухарками, а якуты—кучерами, лакеями и дворниками,—и хозяева довольны работою своей прислуги. Для якутскихъ дѣтей устроено нѣсколько школъ, въ которыхъ они учатся читать, писать и начальнымъ ариѳметическимъ дѣйствіямъ.

Умственная сила якутовъ проявляется также во вліяніи ихъ на русскихъ. Якутскій языкъ сдѣлался во многихъ русскихъ семействахъ преобладающимъ; многіе русскіе охотнѣе разговариваютъ по-якутски, чѣмъ по-русски. Такое явленіе объясняется тѣмъ, что прислуга въ русскихъ семействахъ преимущественно состоитъ изъ якутовъ: нянька—якутка, кухарка—якутка, кучеръ—якутъ и т. д. Дитя съ первыхъ дней жизни слышитъ якутскую рѣчь и научается ей. Взрослый человѣкъ, имѣя большею частью дѣло съ якутами, разговариваетъ съ ними на ихъ языкѣ и привыкаетъ на немъ выражать свои мысли. Кромѣ языка, многіе русскіе переняли отъ якутовъ нѣкоторые ихъ обычаи и одежду. Особенно зимою часто можно встрѣтить русскихъ въ якутской одеждѣ.

При своихъ значительныхъ умственныхъ способностяхъ, якуты въ нравственномъ отношеніи, по свидѣтельству лицъ, жившихъ среди нихъ, стоятъ ниже другихъ инородцевъ: они лукавы и не всегда честны. Если что плохо припрятано, якутъ стащить; если представляется возможность поживиться обманомъ, онъ не задумается прибѣгнуть къ нему. Кромѣ того якуты злопамятны и мстительны: за полученную обиду якутъ постарается отомстить; если же это не удастся ему самому, онъ завѣщаетъ мщеніе своему сыну или ближайшему родственнику. Далѣе, они скрытны и необщительны; вслѣдствіе этого своего качества, они стараются селиться уединенно. Но уединенная жизнь не мѣшаетъ имъ затѣвать тяжбы между собою и съ русскими. Къ тяжбамъ они большіе охотники. Якутъ не преминетъ никакого случая, дающаго ему возможность затѣять съ кѣмъ-нибудь тяжбу или привлечь кого-нибудь къ отвѣтственности. Къ указаннымъ чертамъ характера якутовъ слѣдуетъ еще прибавить хитрость и вкрадчивость ихъ. Якутъ всегда сумѣетъ приобрести довѣріе русскаго, если это ему полезно.

Добродѣтель, общая у якутовъ съ другими инородцами, состоитъ въ госте-

пріемствѣ. Путешественникъ всегда найдетъ въ избушкѣ или чумѣ якута радушный пріемъ и готовность подѣлиться тѣмъ, что у него есть.

Для выраженія своей ласки къ кому-нибудь якуты не цѣлуютъ его, а обнимаютъ его и нюхаютъ его голову, шею, одежду. Такъ, мать, желая приласкать своего ребенка, обнимаетъ и обнюхиваетъ его. Только якуты, часто обращающіеся съ русскими, научились отъ послѣднихъ выражать свою пріязнь и ласку поцѣлуемъ.

При встрѣчѣ знакомые якуты привѣтствуютъ другъ друга словомъ *kence*, т.-е. разсказывай.

Свободное время якуты проводятъ въ своихъ чумахъ, у горящаго огня, въ бесѣдѣ, слушаніи разсказовъ и карточной игрѣ. Жены ихъ въ это время занимаются рукодѣліемъ. Весной, когда луга покрываются травой, якуты справляютъ праздникъ „*юеза*“, при чемъ ѣдятъ много мяса, пляшутъ и поютъ пѣсни.

Живя въ суровомъ климатѣ, якуты въ удивительной мѣрѣ приспособились къ перенесенію холода. Нерѣдко якуту приходится ночевать подъ открытымъ небомъ при сорокаградусномъ морозѣ. Онъ раскапываетъ снѣгъ, разводитъ костеръ, снимаетъ съ себя верхнюю одежду и ложится у костра, прикрывшись снятой одеждой. Согрѣвшись у костра, онъ затыкаетъ себѣ шерстью носъ и уши, закрываетъ лицо и такимъ образомъ засыпаетъ, не боясь замерзнуть. Еще съ младенчества якуты приучаются къ перенесенію холода. Своихъ маленькихъ дѣтей они вытираютъ снѣгомъ, приучая ихъ такимъ образомъ къ перенесенію стужи. Зимомъ нагія или полунагія дѣти сидятъ въ хижинѣ на голомъ холодномъ земляномъ полу и, несмотря на сильный морозъ, не одѣвшись, выбѣгаютъ изъ хижины на открытый воздухъ.

Большинство якутовъ считаются христіанами; но многіе изъ нихъ исполняютъ только наружные обряды христіанской религіи, придерживаясь языческихъ суевѣрій и вѣруя въ силу своихъ шамановъ. Громъ и молнію, солнце и огонь они почитаютъ за существа живыя, которымъ нужно поклоняться и которыхъ нужно умиловать жертвой. Предъ началомъ ѣды они бросаютъ кусокъ мяса или сала въ огонь. Если при этомъ на огнѣ шелкнетъ, то это, по ихъ понятію, предвѣщаетъ большое несчастье, для избѣжанія котораго стараются умиловить огонь новою жертвою. Передъ огнемъ якуты присягаютъ, при чемъ присягающій садится на черепъ медвѣдя, лицомъ къ очагу, и льетъ на огонь масло, остатокъ котораго выпиваетъ, приговаривая: „Если я солгалъ въ своемъ показаніи, то пусть это масло превратится въ ядъ и отравитъ мою внутренность“.

Въ нѣкоторыхъ якутскихъ избушкахъ или чумахъ можно видѣть деревянныхъ идольчиковъ, которымъ во время ѣды обмазываютъ лицо жиромъ или саломъ, но почестей имъ никакихъ не воздаютъ.

Русское духовенство старается просвѣщать якутовъ христіанскими истинами и отстранять ихъ отъ языческихъ суевѣрій и понятій. Дѣятельность его не остается безъ послѣдствій: многіе якуты стараются жить по требованію христіанской церкви и съ уваженіемъ относятся къ своимъ пастырямъ. Когда священникъ пріѣзжаетъ въ наслегъ, якуты его встрѣчаютъ, кланяются ему и приглашаютъ его въ лучшую избушку или въ лучший чумъ.

Священное писаніе переведено на якутскій языкъ и якуты имѣютъ возможность слушать богослуженіе на родномъ языкѣ.

Въ числѣ бытовыхъ обрядовъ якутовъ сохранилось много языческихъ, которые совершаются рядомъ съ христіанскими обрядами.

Бракъ у якутовъ совершается послѣ уплаты родителямъ невѣсты условленнаго калыма. Случается, что родители просватываютъ своихъ еще малолѣтнихъ дѣтей, при чемъ начинается уплата калыма. Большою же частью женихъ самъ находитъ себѣ невѣсту и, съ согласія своихъ родителей, посылаетъ къ родителямъ невѣсты свата, который и уговливается относительно калыма. Заключивши условіе, спрашиваютъ невѣсту, согласна ли она выйти за сватающагося жениха. Она обыкновенно молчитъ, и молчаніе ея принимается за согласіе. Спустя нѣсколько времени, обыкновенно въ первыхъ числахъ рожденія новой луны, женихъ съ родственниками пріѣзжаетъ въ улусъ невѣсты. Вошедши въ избу, онъ становится по правую сторону очага, а отецъ съ матерью по лѣвую. Женихъ становится на правое колѣно и льетъ въ огонь топленое масло, потомъ, приподнявши шапку, дѣлаетъ три поклона. Шаманъ, сидящій на отцовской постели, провозглашаетъ пожеланіе вступающимъ въ бракъ счастья, долголѣтія, богатства и многочисленнаго потомства. Женихъ выходитъ изъ избы, надѣваетъ лучшее платье и съ гостями возвращается въ избу. Начинается угощеніе лошадинымъ и коровьимъ мясомъ, масломъ и чаемъ. Послѣ угощенія невѣста вмѣстѣ со своими родственниками ѣдетъ въ улусъ жениха. Когда поѣздъ приблизится, родственники нахлобучиваютъ ей на глаза шапку или завѣшиваютъ ее лицо шкуркою. Затѣмъ трое изъ нихъ входятъ въ хижину жениха. Вошедши, они становятся на колѣни передъ горящимъ очагомъ и объявляютъ, что пришли по порученію невѣсты осмотрѣть ея новое жилище. Имъ подносятъ по кружкѣ кумысу, мѣрою каждая около четверти ведра. Они трижды призываютъ благословеніе на молодыхъ, кропятъ на очагъ кумысомъ и пьютъ его. Обычай требуетъ, чтобы они выпили все до дна. Выпивъ кумысъ, они выходятъ изъ хижины и присоединяются къ прибывшему поѣзду невѣсты. Невѣста, вошедши въ хижину, становится на правое колѣно, кладетъ въ огонь масло и дѣлаетъ три поклона. Шаманъ вторично провозглашаетъ пожеланіе жениху и невѣстѣ богатства, счастья и многочисленнаго потомства. Начинается пиршество. На другой или третій день родители брачующихся обмѣниваются подарками; если подарки не соотвѣтствуютъ ихъ ожиданіямъ, между ними зарождается вражда.

Родство по мужскому колѣну признается у якутовъ препятствіемъ къ заключенію брака; свойство же не признается такимъ препятствіемъ. Вообще же слѣдуетъ замѣтить, что якуты стараются брать себѣ женъ изъ чужого рода и даже чужого улуса.

Послѣ совершенія языческихъ обрядовъ, вступающіе въ бракъ обмѣниваются священникомъ при его пріѣздѣ въ улусъ.

При рожденіи у якута сына, отецъ призываетъ къ себѣ родственниковъ и знакомыхъ, угощаетъ ихъ мясомъ и при этомъ даетъ имя новорожденному. При рожденіи дочери обыкновенно не бываетъ никакого праздника. Крещеніе новорожденнаго совершается при пріѣздѣ въ улусъ священника.

Своихъ дѣтей якуты не особенно балуютъ и нѣжатъ: кладутъ ихъ нагими въ жесткія зыбки или корыта изъ бересты, прикрываютъ ихъ старыми шкурами или лохмотьями, кормятъ молокомъ съ водою и мало обращаютъ вниманія на ихъ крикъ, думая, что чѣмъ больше младенецъ кричитъ, тѣмъ скорѣе растетъ.

Покойника якуты погребают обыкновенно въ день его смерти. Въмѣстѣ съ покойникомъ кладутъ въ могилу его платье и убитую лошадь съ сбруей, а также съѣдобное — мясо и жиръ.

Зарывши покойника, якуты объѣзжаютъ его могилу три раза противъ солнца. Близкіе родственники покойника не приближаются къ могилѣ, а издали жалобно го-лосятъ. На могилѣ ставятъ иногда срубъ, который огораживаютъ заборомъ, на столбахъ котораго вѣшаютъ конскія головы. Родственники покойнаго, жившіе съ нимъ въ одномъ чумѣ, переселяются въ другой чумъ, такъ какъ считаютъ то мѣсто, гдѣ умеръ покойникъ, жилищемъ злого духа.

Покойниковъ, погребенныхъ безъ отпѣванія священника, послѣдній отпѣваетъ при своемъ прибытіи въ наслѣгъ.

Сказавши о нѣкоторыхъ языческихъ обрядахъ, сохранившихся у якутовъ, слѣдуетъ замѣтить, что обряды эти послѣдовательно исчезаютъ, по мѣрѣ того, какъ христіанское ученіе проникаетъ въ сознаніе народа. Въ нѣкоторыхъ улусахъ, гдѣ есть церкви и священники, почти совершенно утратились языческіе обряды и вѣрованія и о нихъ сохранились лишь преданія.

Главное богатство якутовъ состоитъ въ табунахъ лошадей и стадахъ рогатаго скота. Лошадь служитъ для нихъ тѣмъ, чѣмъ олень для самоѣдовъ и остяковъ, т. е. не только употребляется для верховой ѣзды и перевозки тяжестей, но и доставляетъ пищу и питье: конина составляетъ лакомое блюдо якутовъ, а кумысъ — ихъ любимый напитокъ. Якутская лошадь приучена переносить и стужу, и недостатокъ пищи. Она остается подъ открытымъ небомъ при тридцати и болѣе градусахъ мороза и сама добываетъ себѣ кормъ изъ-подъ снѣга. Пробѣжать нѣсколько десятковъ верстъ и затѣмъ въ поту остаться на морозѣ безъ попоны — для нея нипо-чемъ. Несмотря на скудость пищи, якутскія лошади долго сохраняютъ бодрость и силу.

Кромѣ лошадей, для ѣзды употребляются также олени и собаки. Собакъ запрягаютъ въ длинныя нарты, переплетенныя ремешками. Передняя часть нарты скрѣплена полукруглой вѣтвиной, называемой бараномъ; отъ барана проведенъ ремень съ узлами, на которые, по обѣ стороны ремня, прицѣпляются петлями собаки. Въ одну нарту запрягаются отъ 6 до 14 собакъ, смотря по грузу; на каждую собаку полагается около одного пуда тяжести. Спереди прицѣпляются наиболѣе смышленные собаки. Якутъ, сидящій на передней части нарты, держитъ въ рукѣ длинный кнутъ, которымъ и ударяетъ собаку, вздумавшую лѣниться или шалить. Нужна нѣкоторая ловкость и опытность, чтобы ударить именно ту собаку, которую слѣдуетъ наказать.

Содержаніе собакъ якутамъ почти ничего не стоитъ, такъ какъ кормятъ ихъ мерзлой рыбой, и то только зимою, когда держатъ ихъ на привязи. Лѣтомъ выпускаютъ ихъ на волю, и тогда онѣ сами добываютъ себѣ пищу по мелкимъ рѣкамъ, куда въ половодіе заходитъ рыба и, не имѣя возможности, при быстрой убыли воды, сплыть обратно, остается тутъ. Осенью, съ установленіемъ зимняго пути, хозяева собираютъ своихъ собакъ и держатъ ихъ на привязи, употребляя въ работу всякій разъ, когда то понадобится.

Рогатый скотъ разводится якутами для молока и мяса, а также и для пере-

возки большихъ тяжестей. Якуты, подобно бурятамъ, прокалываютъ телятамъ ноздри и въ проколотое мѣсто продѣваютъ кольцо или палочку, къ которой привязываютъ поводъ, служащій для управленія быкомъ.

Для корма рогатаго скота въ зимніе мѣсяцы заготавливаютъ стоги сѣна. Случается, что, при недостаткѣ сѣна, якуты кормятъ скотъ рыбой, которой всегда имѣется большой запасъ.

Въ послѣднее время часть якутовъ, живущихъ въ южной части Якутской области, начала заниматься, въ подражаніе русскимъ, хлѣбопашествомъ. Но занятіе это находитъ себѣ препятствіе въ климатическихъ условіяхъ страны. Нерѣдко случается, что засѣянный хлѣбъ пропадаетъ отъ мороза, прежде чѣмъ успѣетъ созрѣть. Но, несмотря на это, все болѣе и болѣе расчищается мѣстъ для посѣва хлѣба. Якуты сѣютъ рожь, ячмень и сажаютъ картофель.

Звѣриный промыселъ хотя съ каждымъ годомъ замѣтно падаетъ, однако составляетъ еще значительный доходъ якутамъ. Они охотятся на соболей, песцовъ, лисицъ, бѣлокъ и другихъ звѣрей. Наиболѣе прибыльной считается охота за дикими оленями. Охота за ними производится два раза въ годъ: весной, во время перехода ихъ изъ лѣсовъ къ берегамъ Ледовитаго океана, и осенью, когда они изъ прибрежныхъ полярныхъ странъ бѣгутъ обратно въ лѣса. Весенняя охота не особенно прибыльна, такъ какъ олени въ это время тощи и шерсть на нихъ плоха; болѣе прибыльна осенняя охота, когда олени жирны и шкура ихъ цѣнна.

Якуты, зная, въ какихъ мѣстахъ олени обыкновенно переплываютъ чрезъ рѣки, дѣлаютъ здѣсь засаду и, когда они войдутъ въ воду, бьютъ ихъ.

Наконецъ, рыболовство составляетъ значительное подспорье въ хозяйствѣ якутовъ, живущихъ по берегамъ рѣкъ, изобилующихъ рыбой. Они ловятъ такое множество рыбы, что не только сами питаются ею, но также кормятъ ею, какъ уже сказано, собакъ и иногда рогатый скотъ. Нужно замѣтить, что значительная часть вылавливаемой ими рыбы пропадаетъ непроизводительно, такъ какъ они не умѣютъ заготавливать ее впрокъ, а сваливаютъ въ ямы, гдѣ она скоро портится.

Пища якутовъ обусловливается ихъ занятіемъ и климатомъ. Преобладающая ихъ пища—мясная: конина, говядина, дичь и рыба; кромѣ того, они питаются молочными скопами и ягодами. Въ особенности же они любятъ жирное мясо: чѣмъ жирнѣе оно, тѣмъ больше оно имъ нравится. Мясо варятъ и очень рѣдко его жарятъ. Жиръ считается у нихъ величайшимъ лакомствомъ, а самое неумѣренное пресыщеніе имъ—величайшимъ блаженствомъ. Они употребляютъ его въ различныхъ видахъ: сырымъ и топленнымъ, въ свѣжемъ и испорченномъ видѣ. Хлѣба они употребляютъ мало и смотрятъ на него, какъ на лакомство. Недостатокъ своей пищи они пополняютъ сосновой или лиственничной корой, которую соскабливаютъ, сушатъ, толкутъ и затѣмъ мѣшаютъ съ сушеной рыбой, молокомъ или жиромъ и эту смѣсь варятъ, при чемъ получается нѣчто вродѣ размазни.

Для якутовъ не столько имѣетъ значенія качество пищи, сколько количество ея. Они сѣдуютъ неимоверно большое количество пищи и любятъ не только ѣсть, но и вспоминать въ разговорѣ, гдѣ и когда они вдоволь ѣли мяса или жиру. Они пользуются всякимъ случаемъ, чтобы поѣсть. Ыдятъ и съ радости, и съ печали; даже больные не откажутся вдоволь поѣсть. На свадьбахъ и другихъ выдающихся случаяхъ жизни приглашаются иногда ѣдоки, которые стараются перецеголять одинъ

другого въ количествѣ съѣденнаго. Путешественникъ Симпсонъ рассказываетъ, что въ Якутскѣ онъ призвалъ къ себѣ двухъ извѣстныхъ ѣдоковъ и поставилъ предъ ними два пуда вареной говядины и пудъ растопленнаго масла; каждому дали по пуду мяса, а масло они могли ѣсть ложками. Чрезъ нѣсколько часовъ все предложенное имъ было съѣдено. Послѣ того они, какъ змѣи, три-четыре дня пробыли въ какомъ-то полусознательномъ состояніи, не пили и не ѣли и только катались по полу, чтобы возбудить пищевареніе.

Любимымъ напиткомъ якутовъ служить кумысъ. Для большей пріятности и питательности они прибавляютъ въ него нетопленаго масла. Отправляясь лѣтомъ въ путь, якуты непремѣнно возьмутъ съ собою въ кожаномъ мѣшкѣ кумысу. Между достаточными якутами въ послѣднее время распространилось употребленіе кирпичнаго чая съ молокомъ.

Подобно другимъ инородцамъ, якуты любятъ пить водку и курить табакъ. Курятъ они самый крѣпкій табакъ, изъ складныхъ трубокъ. Глотая табачный дымъ, они приходятъ отъ него въ опьяненіе, которое считаютъ для себя однимъ изъ лучшихъ удовольствій и которое иногда приводитъ ихъ къ пагубнымъ послѣдствіямъ.

XIII.

СИБИРСКІЕ ТАТАРЫ.

Сибирскіе татары—потомки тѣхъ татаръ, которыхъ русскіе встрѣтили при покореніи Сибири. Въ настоящее время ихъ насчитывается около 90 тысячъ чело-вѣкъ. Живутъ они преимущественно въ Tobольской, Томской и Енисейской губерніяхъ; встрѣчаются также въ Акмолинской и Семипалатинской областяхъ и въ Восточной Сибири. Они раздѣляются на нѣсколько племенъ, замѣтно отличающихся одно отъ другого образомъ жизни, обычаями и даже внѣшнимъ видомъ.

Татары Енисейской губерніи извѣстны большею частью подъ именемъ *качикцевъ*, *сагайцевъ*, *кизилъцевъ* и др. Татарскія племена остальной части Восточной Сибири извѣстны подъ названіемъ *карасовъ*, *аритовъ*, *сойотовъ* и др.

Татарскія племена относятся къ тюркской семьѣ народовъ; но они въ значительной мѣрѣ носятъ на себѣ отпечатокъ тѣхъ народовъ, въ сосѣдствѣ съ которыми живутъ. Такъ, напр., восточно-сибирскіе и барабинскіе татары носятъ на себѣ отпечатокъ монголо-манчжурскаго племени и замѣтно отличаются своимъ внѣшнимъ видомъ отъ тобольскихъ татаръ, носящихъ отпечатокъ тюркскаго племени.

Языкъ сибирскихъ татаръ есть тюркское нарѣчіе; онъ нѣсколько отличается отъ языка татаръ, живущихъ въ Европейской Россіи. По-русски почти всѣ сибирскіе татары говорятъ болѣе или менѣе свободно.

Большая часть сибирскихъ татаръ ведетъ осѣдлый образъ жизни, мѣньшая же ихъ часть, именно татарскія племена, живущія въ Енисейской губерніи, продолжаютъ еще вести полукочевой образъ жизни.

Осѣдлые татары живутъ въ селеніяхъ или городахъ. Полукочевые—зиму проводятъ въ такъ называемыхъ зимовкахъ, а на лѣто перекочевываютъ въ мѣста, удобныя для пастбы скота.

Татарскія селенія не велики. Нѣсколько селеній составляютъ волость, управляемую старшиной. Татарскій старшина (башлыкъ) обыкновенно ничѣмъ не отличается отъ остальныхъ своихъ единоплеменниковъ, если только онъ не особенно богатъ.

Жилищемъ осѣдлыхъ татаръ служатъ избышки—у бѣдныхъ, и большіе, иногда двухъ-этажные дома—у богатыхъ. Окна какъ въ избышкахъ, такъ и въ большихъ татарскихъ домахъ прорубаются высоко, почти подъ самымъ потолкомъ.

Полукочевые татары въ зимніе холода скрываются въ деревянныхъ хижинахъ съ земляной крышей, а на лѣто ставятъ войлочные или берестяныя юрты. Внутреннее устройство ихъ хижинъ и юртъ большею частью бываетъ таково: противъ входа помѣщается на нарахъ постель хозяина; надъ нарами придѣланы шесты, на коихъ виситъ праздничная одежда; по стѣнамъ устраиваются полки, на которыхъ помѣщаются хозяйственные принадлежности, при чемъ такъ, что на лѣвой, или

мужской, сторонѣ складываются сѣдла, сбруя и вообще вещи, необходимыя для мужчинъ, а на правой, или женской, сторонѣ разставляется деревянная, глиняная и мѣдная посуда: вѣдра, кадки, корыта, горшки, котлы и т. п. Посреди юрты устраивается изъ камней очагъ, надъ которымъ на таганѣ помѣщается котелъ для

приготовленія пищи. Около очага ставится низенькій столикъ, на которомъ хозяинъ и гости ѣдятъ, сидя на полу.

Въ юртахъ и особенно въ зимнихъ хижинахъ бѣдныхъ татаръ бываетъ крайне неопрятно: стѣны и потолокъ покрыты паутиной, полъ грязенъ, вездѣ валяются объѣдки съѣстного. Жилище зажиточныхъ татаръ содержится значительно чище.

Одежда татаръ-мусульманъ обыкновенно такая же, какъ и у приволжскихъ татаръ. Она въ большинствѣ случаевъ состоитъ изъ бешмета и халата, а зимою — овчинной шубы; на бритую голову надѣваютъ аракинъ, а сверхъ него — суконную или мерлушачью шапку или же войлочный колпакъ съ завороченною кверху заднею частью, образующею такимъ образомъ родъ козырька. Чалма бѣлаго или зеленого цвѣта носится духовенствомъ и пожилыми татарами. Татарскія женщины, особенно зажиточныя, любятъ наряды. Ихъ шапка и халатъ бывають обшиты позументомъ. На концахъ косъ навѣшиваются металлическія украшенія, состоящія преимущественно изъ монетъ. Въ ушахъ носятъ серьги, на шеѣ — ожерелье, а на рукахъ — браслеты. Онѣ иногда бѣлятся, румянятся, чернятъ зубы и красятъ ногти.

Крещенные татары въ значительной мѣрѣ перенимали одежду русскихъ.

Сибирскіе татары занимаются всѣми промыслами, существующими въ краѣ. Такъ, многіе изъ нихъ занимаются земледѣліемъ. Во время полевыхъ работъ въ нѣкоторыхъ татарскихъ селеніяхъ только и можно встрѣтить дѣтей и старухъ, неспособныхъ къ работѣ; остальные же жители работаютъ на сѣнокосѣ или на пашнѣ. Кромѣ земледѣлія, татары занимаются огородничествомъ; но они разводятъ овощи не столько для продажи, сколько для собственнаго употребленія. Вторымъ промысломъ татаръ служитъ скотоводство. Они разводятъ лошадей, коровъ, овецъ. Въ связи съ разведеніемъ лошадей находится извозчикій промыселъ. Рѣдкій изъ татаръ, живущихъ по большимъ трактамъ, не занимается извозомъ; они перевозятъ проезжающихъ отъ одной станціи до другой, или же подражаются на перевозку на значительныя пространства казенныхъ и частныхъ кладей.

Наиболѣе любимый промыселъ татаръ — торговля. Они имѣють торговыя сношенія съ хивинцами, бухарцами, туркестанцами, киргизами и русскими купцами въ Европейской Россіи. Предметомъ ихъ торговли служатъ: бумажныя и шерстяныя ткани, шелковыя матеріи, чай, фрукты, шерсть, кожа, сало и т. п. Все это сбываютъ они или на ярмаркахъ, или изъ своихъ постоянныхъ лавокъ, находящихся во многихъ городахъ Сибири. Занимаются они также и разносной торговлей. Съ небольшимъ запасомъ галантерейнаго товара переѣзжаетъ татаринъ изъ селенія въ селеніе и продаетъ свой товаръ.

Между сибирскими татарами встрѣчаются охотники; но охота не составляетъ главнаго ихъ промысла. Болѣе прибыльнымъ является рыболовство на рѣкахъ и озерахъ Сибири. Большую часть ловимой рыбы они продають въ сосѣднихъ городахъ.

Татары Тобольскаго, Ялуторовскаго и Каинскаго округовъ промышленяють ловлей пивокъ. Ловятъ ихъ обыкновенно на мясную приманку; но иногда ловятъ такъ: войдетъ татаринъ въ озеро и сидитъ въ немъ, пока всего его не облѣпятъ пивки; выйдя изъ озера, онъ снимаетъ съ себя добычу. Нѣкоторыя татарки занимаются припусканіемъ пивокъ больнымъ, и эти послѣдніе нерѣдко предпочитаютъ ихъ цырюльникамъ.

Домашнія работы лежатъ на обязанности женщинъ, которыя не только ухаживаютъ за дѣтьми, но также приготавливаютъ пищу, шьютъ одежду и обувь членамъ семьи, валяютъ войлоки и вышиваютъ шелкомъ и золотомъ. Шитье татарокъ отличается не столько вкусомъ, сколько тщательностью отдѣлки.

Пищей татаръ служитъ конина, говядина, баранина, рыба, хлѣбъ, овощи и молочные скопы. Мясо или рыбу варятъ съ крупой или жарятъ на вертелѣ.

Любимымъ напѣткомъ ихъ служить кирпичный чай. Они размельчаютъ его въ маленькой ступкѣ и завариваютъ въ чайникѣ или кувшинѣ. Настоявшійся чай наливаютъ въ чашки и разбавляютъ молокомъ или сливками. Сахаръ не составляетъ необходимой принадлежности къ кирпичному чаю и употребляется только зажиточными татарами. Пьютъ татары также кумысъ; въ большомъ употребленіи у нихъ и айранъ—кѣпкій напитокъ, приготовляемый изъ коровьяго молока. Не пренебрегаютъ они и аракой, т. е. водкой, перегоняемой изъ кумыса.

Большая часть татаръ исповѣдуютъ магометанскую религію суннитскаго толка. Почти въ каждомъ болѣе или менѣе многочисленномъ селеніи находится мечеть; кромѣ того, имѣется школа, гдѣ мальчики обучаются грамотѣ и знакомятся съ ученіемъ корана. Требованія своей религіи магометане исполняютъ усердно.

Небольшая часть татаръ, живущихъ въ Тобольской и Томской губерніяхъ, крещена. Но вслѣдствіе разбросанности татарскихъ поселеній и слабого распространенія между крещеными татарами образованія, христіанскія понятія не могли собою вполне вытѣснить прежнія магометанскія или языческія вѣрованія.

Татары-язычники, встрѣчающіеся въ Томской и Енисейской губерніяхъ, почитаютъ шамановъ и вѣрують въ Кудая и горныхъ, водяныхъ, домовыхъ и т. п. духовъ. Кудай—верховный богъ и править міромъ. Горные духи живутъ въ горахъ; охотники бросаютъ имъ въ жертву часть своей добычи. Водяной духъ управляетъ водами; ему приносятъ жертвы исключительно весною. Подземный духъ называется Айна; онъ злѣе всѣхъ остальныхъ духовъ; его могутъ умиловить только шаманы. Болѣзни на людей посылаетъ духъ Ерлыхаль, а смерть—Шайтанъ. Послѣ смерти душа человѣческая, по понятію татаръ-язычниковъ, нѣкоторое время блуждаетъ между могилой и юртой; затѣмъ она прогоняется шаманомъ, по просьбѣ родственниковъ, и неизвѣстно куда уходитъ. Душу великаго грѣшника Шайтанъ отправляетъ къ Ерлыхану на мученіе.

Болѣзни у нихъ лѣчатъ знахари и шаманы. Первые запасаютъ травы и другія лѣчебныя вещества и продаютъ ихъ больнымъ, при чемъ наставляютъ, какъ ихъ употреблять; вторые же лѣкарствъ не даютъ, а только шаманятъ. Пришедши, по приглашенію, въ юрту больного, шаманъ надѣваетъ свой шаманскій костюмъ, беретъ въ руки бубенъ и начинаетъ шаманить то надъ больнымъ, то надъ заранее приготовленной брагой, при чемъ высказываетъ, какой жертвы требуетъ Шайтанъ. По его указанію колютъ коня, или корову, или же овцу. Половина заколотога животнаго идетъ въ пользу шамана, который, кромѣ того, получаетъ еще и подарокъ отъ больного.

При жертвоприношеніи, совершаемомъ обыкновенно на полянѣ, около березы, шаманъ кладетъ на скамейку сердце только-что заколотога жертвеннаго животнаго и начинаетъ шаманить. Онъ вмѣстѣ съ присутствующими обходитъ вокругъ березы и жертвеннаго сердца, затѣмъ останавливается и приглашаетъ присутствующихъ прославить Кудая и вознести къ нему молитвы о ниспосланіи благополучія и избавленія отъ бѣдъ. Оглушительно раздаются по горамъ рѣзкія восклицанія молящихся. Подъ конецъ обряда шаманъ торжественно сжигаетъ жертвенное сердце. Всѣ становятся на колѣни, наклоняютъ голову до земли и остаются въ такомъ положеніи, пока шаманъ произноситъ заключительную молитву. Послѣ молитвы всѣ пьютъ вино и закусываютъ жертвеннымъ мясомъ. Остатки отъ ѣды сжигаютъ.

Скажемъ о семейныхъ обрядахъ нѣкоторыхъ сибирскихъ татаръ.

Бракъ у барабинскихъ татаръ начинается сватовствомъ, при чемъ условливаются о величинѣ калыма за невѣсту. Условившись о калымѣ, отецъ невѣсты приглашаетъ къ себѣ въ гости родственниковъ и знакомыхъ. Въ присутствіи собравшихся гостей онъ объявляетъ приглашенному муллѣ, что просваталъ свою дочь за такого-то жениха и за такой-то калымъ. Мулла посылаетъ избранныхъ лицъ сначала къ невѣстѣ, а потомъ къ жениху спросить, согласны ли они вступить въ бракъ. Когда посланные возвратятся съ утвердительнымъ отвѣтомъ, мулла садится на приготовленномъ для него мѣстѣ и записываетъ какъ вступающихъ въ бракъ, такъ и свидѣтелей, бывшихъ при бракѣ. Послѣ записи онъ читаетъ опредѣленные алкораномъ молитвы. Затѣмъ идетъ угощеніе чаемъ и закуской изъ жареныхъ гусей, баранины, коровьяго мяса и проч.

Женихъ и невѣста при обрядѣ бракосочетанія обыкновенно не присутствуютъ: присутствіе ихъ считается неприличнымъ и принимается за знакъ неуваженія къ старшимъ. Если же они, вопреки требованію обычая, пожелаютъ присутствовать при своемъ бракосочетаніи, то имъ это не возбраняется, только для невѣсты обязательно быть подъ особымъ покрываломъ или за занавѣской.

У татаръ, живущихъ въ Енисейской губерніи, бракъ совершается при слѣдующихъ обрядахъ. Татаринъ, желающій женить своего сына на дочери своего знакомаго, ѣдетъ, въ сопровожденіи своихъ родственниковъ, къ нему въ улусъ. Онъ беретъ съ собою бутылку айрана, новую китайскую трубку и табакъ. Прибывши въ улусъ отца невѣсты, гости входятъ въ юрту. Идетъ разговоръ объ обыкновенныхъ житейскихъ дѣлахъ. Наговорившись вдоволь, отецъ жениха объявляетъ отцу невѣсты о цѣли своего пріѣзда. Затѣмъ онъ набиваетъ табакомъ привезенную съ собой трубку, ставитъ ее возлѣ очага и выходитъ изъ юрты. Возвратившись въ юрту, онъ осматриваетъ, выкурена ли трубка. Если трубка не тронута, это означаетъ, что родители не желаютъ выдать за жениха свою дочь; если же изъ нея курили, это означаетъ, что они соглашаются выдать ее. Отецъ жениха наливаетъ чарку айрана, одинъ изъ родственниковъ его набиваетъ трубку, а другой беретъ изъ очага уголекъ или даже цѣлую головню. Отецъ невѣсты высказываетъ словесно свое согласіе выдать свою дочь за жениха, затѣмъ выпиваетъ чарку айрана и беретъ приготовленную ему трубку, которую и закуриваетъ углемъ, подаваемымъ родственникомъ жениха. Начинается угощеніе, при чемъ отецъ жениха усердно торгуется о калымѣ за невѣсту. Сватовство оканчивается тѣмъ, что отецъ жениха даритъ отцу, матери и ближайшимъ родственникамъ невѣсты подарки. Въ день бракосочетанія устраивается въ юртѣ невѣсты пиръ, при окончаніи котораго женихъ беретъ руку невѣсты, и оба падаютъ въ ноги отцу ея. Этотъ послѣдній поднимаетъ ихъ и, обращаясь къ дочери, говоритъ: „Да, дочь, выходи замужъ!“ Крещеные татары отправляются въ церковь, гдѣ и совершается бракосочетаніе, послѣ котораго обыкновенно назначается день для празднованія свадьбы. Въ назначенный день родные и знакомые собираются въ юрту молодой. Здѣсь рѣжутъ вола или барана и начинается пиръ. Парни поютъ пѣсни, пляшутъ, а иногда забавляются скачками. Молодого и молодую наряжаютъ въ лучшее платье, вводятъ въ юрту и сажаютъ на лавку, покрытую коврами. Противъ нихъ становятся два хора пѣсельниковъ, которые держатъ въ рукахъ развернутыя цвѣтныя шали и поютъ пѣсни. Хоръ, стоящій

противъ жениха, поеть о томъ, что послѣдній прѣхаль взять прекрасную молодую, а пѣсельники, стоящіе противъ молодой, поють о томъ, что они не отпустятъ ее безъ выкупа и подарковъ.

Послѣ угощенія молодые прощаются съ родителями и родственниками и, получивъ ихъ благословеніе, отправляются въ улусъ молодого. Здѣсь уже приготовлена для нихъ особая юрта. Около юрты встрѣчаютъ ихъ родители молодого; затѣмъ идетъ угощеніе.

У качинскихъ татаръ сохранился обрядъ похищенія невѣсты. Въ назначенный родителями жениха и невѣсты день женихъ и нѣсколько человѣкъ молодежи отправляются верхомъ на лошадяхъ въ улусъ, гдѣ живетъ невѣста. Вечеромъ трое или четверо изъ юношей, прѣхавшихъ съ женихомъ, приближаются къ юртѣ родителей невѣсты и просятъ пустить ихъ переночевать. Ихъ пускаютъ. Какъ только представляется удобный случай, они схватываютъ невѣсту, сажаютъ ее на сѣдло и мчатся въ улусъ жениха. За ними обыкновенно слѣдуетъ погоня; но не догнать имъ жениха и невѣсту. Какъ только привезутъ невѣсту въ улусъ, ее вталкиваютъ въ особую юрту, вокругъ которой ставятъ караулъ изъ нѣсколькихъ человѣкъ. Собираются гости и начинается пищество, для котораго уже заранѣе заготовлено мясо и вино. Отъ родителей невѣсты прибываютъ къ жениху „посредники“. Караульные не пускаютъ ихъ къ невѣстѣ. Тѣ быють караульныхъ, а послѣдніе униженно кланяются имъ и просятъ выпить вина. Выходитъ молодая и заявляетъ, что она желаетъ остаться у мужа. Посредники требуютъ калымъ, который и выплачивается или немедленно, или въ назначенный срокъ. Назначается день для „мировой“ между родителями жениха и невѣсты.

Въ этотъ день родители жениха прѣзжаютъ съ виномъ къ родителямъ невѣсты и угощаютъ ихъ. Во время угощенія отецъ невѣсты ударяетъ нѣсколько разъ отца жениха, послѣ чего начинается настоящая попойка. Дня чрезъ три новобрачные отправляются къ тестю, который, встрѣтивъ зятя, нагибаетъ его, схвативъ одною рукою за волосы, и плетью ударяетъ его нѣсколько разъ по спинѣ. Этими и оканчиваются свадебные обряды.

Новорожденнаго ребенка качинскіе татары помѣщаютъ въ длинный ящикъ, одинъ конецъ котораго стоитъ на землѣ, а другой (изголовье) приподнять на веревкѣ, прицѣпленной вверху юрты къ перекладинѣ. При крикѣ ребенка его укачиваютъ съ одной стороны на другую.

Имя новорожденному младенцу у татаръ-язычниковъ даетъ тотъ изъ сосѣдей, который первый войдетъ въ юрту послѣ его рожденія.

Воспитаніе маленькихъ дѣтей у сибирскихъ татаръ лежитъ на обязанности матерей; отцы считаютъ для себя унижительнымъ ухаживать за дѣтьми; однако они любятъ ихъ не менѣе матерей.

Старшіе въ семьѣ пользуются у татаръ полнымъ уваженіемъ со стороны младшихъ; послѣдніе считаютъ своею обязанностью безпрекословно повиноваться первымъ.

Покойника татары обмываютъ, одѣваютъ въ лучшее платье и затѣмъ кладутъ въ гробъ, выдолбленный большею частью изъ колоды. Вмѣстѣ съ покойникомъ кладутъ въ гробъ трубку, кисетъ съ табакомъ, хлѣбъ, мясо, сыръ и овощи, которые онъ особенно любилъ. Гробъ съ покойникомъ кладутъ въ сани или телѣгу, крѣпко

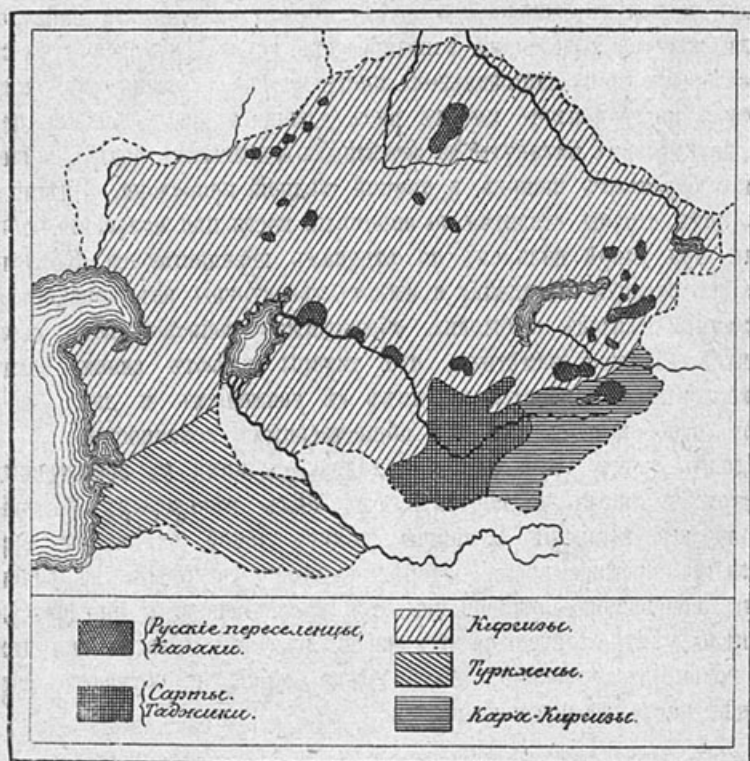
привязывают и быстро везутъ на мѣсто погребенія. Могилу обыкновенно начинаютъ копать въ то время, когда покойника привезутъ на кладбище. Яму копаютъ не глубже полутора аршина. Опустивъ покойника въ могилу, ее зарываютъ. Надъ могилой богатаго колютъ его любимую лошадь. Во время похоронъ родственники умершаго и близкіе знакомые, въ особенности женщины, плачутъ, неистово кричатъ, бьютъ себя въ грудь и даже рвутъ на себѣ волосы; при этомъ перечисляютъ добродѣтели умершаго. Послѣ погребенія покойника его поминаютъ, при чемъ пьютъ вино и закусываютъ заранѣе приготовленнымъ мясомъ. Поминаютъ его также на девятый, сороковой день и чрезъ полгода и годъ послѣ его смерти.

Татары гостепріимны. Любятъ татаринъ, если къ нему пріѣдетъ гость. Бесѣда между хозяиномъ и гостемъ ведется неумолкаемо. Хозяинъ не преминетъ угостить гостя, чѣмъ можетъ. Въ хорошую теплую погоду татары собираются группами на улицѣ или на площади и ведутъ оживленную бесѣду. Между ними всегда найдется балагуръ, который своими живыми разказами заинтересуетъ всѣхъ. Иногда тутъ же, на площади, раздается бречаніе на національномъ инструментѣ — „джатыганъ“ или „къмусъ“. Первый изъ этихъ инструментовъ имѣетъ видъ длиннаго узкаго ящика, перевернутаго вверхъ дномъ, на которомъ натянуты на желѣзныхъ колышкахъ пять или шесть струнъ, сдѣланныхъ изъ бараньихъ кишокъ и тонкой мѣдной проволоки. Въмѣсто подставокъ или кобылокъ подъ струны ставятся позвоночныя кости или маленькія бабки, которыя во время игры, при ударѣ пальцемъ по струнамъ, передвигаются. Къмусъ по устройству походитъ на русскую балалайку и имѣетъ три струны изъ конскаго скрученнаго волоса. Разказчики сказокъ и былинъ обыкновенно сопровождаютъ свои разказы игрой на къмусъ. Нужно замѣтить, что татары имѣютъ своихъ сказочниковъ. охотно слушаютъ ихъ и относятся къ нимъ съ уваженіемъ и даже, по общественному приговору, освобождаютъ ихъ отъ общественныхъ повинностей.

Живя долго между русскими и находясь съ ними въ постоянномъ общеніи, сибирскіе татары не могли не перенять отъ нихъ нѣкоторыхъ бытовыхъ чертъ. Нынѣ далеко не всѣ татарскія женщины ведутъ такой замкнутый образъ жизни, какой онѣ вели въ прежнее время. Нерѣдко можно встрѣтить въ Сибири татаръ, которые почти совершенно отрѣшились отъ мусульманскихъ предрасудковъ и въ своей жизни мало чѣмъ отличаются отъ жизни русскихъ. Многіе изъ нихъ говорятъ по-русски не только съ русскими, но и между собой, и обучаютъ своихъ дѣтей русской грамотѣ, часто въ русской школѣ.

Карта инородцевъ Средне-Азіатскихъ владѣній Россіи.

II.

ИНОРОДЦЫ СРЕДНЕАЗІАТСКИХЪ ВЛАДѢНІЙ РОССІИ.

КИРГИЗЫ.

Киргизы называютъ себя *кайсаками* или *казаками*; названіе это они производятъ отъ словъ: „каз“ (гусь) и „заг“ (воронъ), что въ общемъ значить „степная птица“; этимъ же именемъ называютъ ихъ и сопредѣльные съ ними народы: бухарцы, хивинцы, персіяне и китайцы. Киргизами назвали ихъ русскіе, по названію одного племени, живущаго около озера Иссыкъ-Куля. Названіе это одни производятъ отъ словъ: „кыркъ“ (сорокъ) и „кыз“ (дѣвица): потомство сорока дѣвицъ; другіе же производятъ отъ словъ: „киръ“ (степной) и „гизъ“ (человѣкъ): степной человѣкъ.

Киргизы кочуютъ на огромномъ пространствѣ отъ Каспійскаго моря и рѣки Урала до хребта Тяньшаня и рѣки Иртыша. Все это пространство состоитъ изъ травяныхъ степей и солончаковъ.

По мѣсту кочеванія киргизы раздѣляются на Малую, Среднюю и Большую орды. Малая орда кочуетъ на западѣ, вдоль Оренбургской и Уральской линіи и между Каспійскимъ и Аральскимъ морями; Средняя орда кочуетъ на востокъ отъ Малой орды, до рѣки Иртыша и озера Зайсана; Большая орда кочуетъ около озера Балхаша и рѣки Или.

Всѣхъ киргизовъ насчитывается около 2½ миллионѣвъ человѣкъ.

Они раздѣляютъ себя на два сословія: благородное или „бѣлую кость“ (акъ сеюкъ) и чернъ или „черную кость“ (кара сеюкъ). Къ первому сословію относятся знатнѣйшіе киргизы, считающіе себя потомками великихъ предковъ; ко второму—относятся всѣ остальные, какъ не имѣющіе ясныхъ доказательствъ своего высокаго происхожденія. *) Раздѣленіе это не кладетъ, впрочемъ, грани, не допускающей близкихъ отношеній между лицами того и другого сословія: киргизы знатнаго происхожденія не кичатся передъ киргизами низшаго сословія, и эти послѣдніе не считаютъ для себя недоступнымъ общество первыхъ. Киргизъ „черной кости“ свободно ѣдетъ въ гости къ киргизу „бѣлой кости“, входитъ безъ стѣсненія въ его юрту и располагается, какъ ему удобно.

Киргизы дѣлятся на роды. Между членами каждаго рода довольно тѣсная связь. Роды раздѣляются на волости, а волости—на аулы. Волости и аулы управляютъ

*) О происхожденіи «бѣлой» и «черной кости» у киргизовъ ходитъ такое преданіе: нѣкогда жилъ могущественный ханъ; у него была красавица дочь, которую онъ не взлюбилъ. Ему было предсказано, что отъ нея произойдетъ многочисленный народъ. Царь велѣлъ построить темный покой съ прочными дверями и заключилъ туда царевну. Долго томилась красавица въ заключеніи. Но вотъ въ покой какимъ-то образомъ проникъ солнечный лучъ, и, спустя нѣкоторое время, царевна родила сына. Узнавъ объ этомъ царь и велѣлъ своимъ слугамъ убить дочь. Но Богъ не допустилъ ее до погибели; за нее заступился могучій богатырь и взялъ ее себѣ въ жены. Отъ брака съ богатыремъ родилось нѣсколько сыновей, отъ которыхъ и произошли киргизы «черной кости», а сынъ солнечнаго луча сдѣлался родоначальникомъ «бѣлой кости».

ются волостными и аульными выборными старшинами, которые подчинены русскимъ уѣзднымъ начальникамъ. Судебныя дѣла разбираютъ выборные бій. Недовольный рѣшеніемъ бія можетъ жаловаться въ совѣтъ біевъ, или уѣздному начальнику, или же губернатору. Важныя уголовныя преступленія, напр., убійство, грабежъ, подлежатъ суду русской судебной власти.

Киргизы составляютъ отрасль турецко-татарскаго (тюркескаго) племени съ монгольской примѣсью. Внѣшній видъ ихъ изобличаетъ ихъ происхожденіе. Они средняго роста, сутуловаты; лицо ихъ широкое, скуластое; глаза узкіе, черные; носъ большой, широкій, иногда съ горбомъ; цвѣтъ кожи блѣдно-желтый. Мужчины бреютъ голову, но носятъ рѣдкую, черную клинообразную бородку. Волосы около губъ они выщипываютъ, чтобы не мѣшали при ѣдѣ. Походка ихъ большею частью развалистая.

Одежда киргизовъ состоитъ изъ халата съ длинными рукавами (чапанъ). По халату они подпоясываются ремненнымъ поясомъ, на которомъ обыкновенно виситъ ножъ и кисеть съ огнемъ и кремнемъ. При сильныхъ холодахъ они надѣваютъ по нѣскольку ватныхъ халатовъ или же носятъ бараній тулупъ. На головѣ носятъ ермолку (тюбетейку), поверхъ которой еще надѣваютъ лѣтомъ остроконечную, съ выгнутыми вверхъ полями войлочную шляпу, а зимой — конусообразный мѣховой ма-лахай съ надзатыльникомъ и наушниками. На ноги надѣваютъ кожаныя или бумажныя панталоны и кожаные сапоги.

Чѣмъ богаче киргизъ, тѣмъ болѣе украшена бываетъ его одежда. Въ болѣе важныхъ случаяхъ знатные киргизы любятъ нарядиться въ цвѣтной бархатный каф-

танъ, обшитый по краямъ двойнымъ широкимъ галуномъ, и бархатную шапку съ широкимъ бобровымъ околышемъ.

Киргизки носятъ бешметъ, украшенный обыкновенно косяными или металлическими пуговицами и блестками. Голову замужнія женщины повязываютъ большимъ бѣлымъ бумажнымъ или холщевымъ покрываломъ, концы котораго опускаются на плечи и спину. На лобъ, подъ покрывало, онѣ надѣвають накладку, обшитую мѣхомъ и украшенную серебряными монетами. Дѣвушки носятъ на головѣ шапочку изъ лисьяго мѣха, верхушка которой покрывается различнаго рода украшеніями. Волосы свои какъ замужнія, такъ и дѣвушки заплетаютъ, первыя—въ три косы, а вторыя—въ нѣсколько тоненькихъ косъ, унизанныхъ монетами и блестками. Шею киргизки, особенно дѣвушки, любятъ украшать бусами, монетами, а пальцы—перстнями съ камнями.

Жилищемъ киргизовъ служитъ юрта. Остовъ ея дѣлается изъ жердей и покрывается снаружы кошмами. Вверху оставляется отверстіе для выхода дыма; въ холодное время оно закрывается кошмой, при чемъ, если горитъ огонь, то оставляется маленькое отверстіе. Дверь у юрты или деревянная, или войлочная. Если она открыта, то это значитъ, что хозяинъ—дома и что къ нему можетъ войти каждый; если же она закрыта, то это значитъ, что хозяинъ или спитъ, или его нѣтъ дома. Кто войдетъ въ юрту при закрытыхъ дверяхъ, тотъ нарушитъ требованіе киргизскихъ приличій.

Посрединѣ юрты, подъ верхнимъ отверстіемъ, устраивается изъ камней очагъ, который зимой служитъ для освѣщенія и согрѣванія юрты. Надъ очагомъ обыкновенно виситъ котелъ, въ которомъ киргизы варятъ пищу.

Полъ и стѣны юрты у болѣе зажиточныхъ киргизовъ бываютъ выстланы коврами. Въ юртѣ помѣщается все имущество киргиза. Направо отъ двери у стѣны обыкновенно стоятъ сундуки съ одеждой и разными драгоценностями; налѣво—низенькая кровать, закрытая пологомъ, а впереди—низенькій круглый столъ, на которомъ киргизы ѣдятъ. Невдалекѣ отъ стола, у стѣны, въ ямѣ стоитъ саба (кожаный мѣшокъ), въ которой приготавливается кумысъ. По стѣнамъ развѣшаны сѣдла, конская сбруя, оружіе и т. п. вещи.

Богатые киргизы имѣютъ по нѣскольку юртъ, въ которыхъ они размѣщаютъ членовъ своей семьи. Въ каждой юртѣ помѣщается отъ 3 до 5 человѣкъ.

Постановкой юрты занимаются обыкновенно женщины. Съ удивительною ловкостью и быстротой онѣ сплетаютъ остовъ юрты и покрываютъ его кошмами, привязывая ихъ къ нему веревками. Черезъ какіе-нибудь полчаса юрта готова. Столько же времени нужно, чтобы опять снять юрту, свернуть въ трубку кошмы, покрывавшія ее, связать жерди, изъ которыхъ составленъ былъ остовъ, и сложить все это въ арбы.

На зиму киргизы обкладываютъ свою юрту двойнымъ рядомъ кошмъ и окружаютъ ее стѣной изъ камыша. Многіе киргизы на зиму перебираются въ такъ называемыя „зимовки“—избушки, сплетенныя изъ хвороста, обмазанныя глиной и покрытыя дерномъ. Каждая такая избушка имѣетъ одно или два маленькихъ окна и низенькую дверь. Внутри избушки глиняная печь и низкія, на поларшина отъ пола, полати, служащія для сна. При каждой избушкѣ или юртѣ устроено бываетъ нѣсколько крытыхъ загородекъ, въ которыхъ помѣщается скотъ.

Киргизы исповѣдуютъ магометанскую религію, которая распространена между ними бухарскими и туркестанскими магометанами. Но, исповѣдуя эту религію, они не отстали отъ языческихъ вѣрованій. Отсюда и происходитъ, что вѣрованія ихъ представляютъ смѣсь магометанства съ язычествомъ. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ степи есть мечети; но киргизамъ, влѣдствіе кочевого образа ихъ жизни, рѣдко приходится бывать въ нихъ. Кромѣ того, киргизы рѣдко обращаются къ мулламъ для совершенія религиозныхъ требъ; даже бракъ у нихъ совершается иногда безъ участія муллы.

Изъ предписаній магометанской религіи болѣе аккуратно ими выполняется постъ — „рамазанъ“ *), бывающій лѣтомъ и продолжающійся цѣлый мѣсяцъ. Въ продолженіе дня они ничего не ѣдятъ и не пьютъ; съ заходомъ же солнца всѣ поспѣшно совершаютъ омовеніе, читаютъ молитву и принимаются пить кумысъ и ѣсть мясо. Съ этого времени вплоть до разсвѣта они только то и дѣлаютъ, что ѣдятъ, пьютъ, поютъ пѣсни и вообще веселятся. Съ разсвѣтомъ же ложатся спать и спятъ сколько возможно долѣе, дабы тѣмъ сократить голодный день.

Между языческими вѣрованіями киргизовъ обращаетъ на себя вниманіе ихъ вѣра въ то, что каждый день находится подъ покровительствомъ счастливой или несчастной звѣзды, отчего и самые дни раздѣляются на благополучные и неблагополучные. Далѣе, они признаютъ священными нѣкоторыя скалы, источники и деревья, растущія одиноко среди степи; признаютъ также священными могилы богатырей. Проѣзжая мимо предмета или мѣста, признаваемого святымъ, киргизъ слѣзаетъ съ коня, совершаетъ молитву и оставляетъ какое-нибудь приношеніе: лоскутъ матеріи, пукъ конскихъ волосъ и т. п. Наконецъ, многіе киргизы вѣрятъ въ Шайтана (злого духа), который причиняетъ людямъ зло и наталкиваетъ ихъ на все худое. Если кто-нибудь совершилъ преступленіе, то киргизы говорятъ про него, что его Шайтанъ соблазнилъ, или „Шайтанъ съѣлъ ему на шею“.

Между киргизами можно встрѣтить гадателей или колдуновъ, которые предсказываютъ будущее или по обожженнымъ бараньимъ костямъ, или по блеску огня, когда горитъ баранье сало, или по звѣздамъ. Гадатели иногда принимаются за лѣченіе болѣзней, при чемъ, между прочимъ, прибѣгаютъ къ слѣдующему оригинальному способу лѣченія ихъ: колдунъ садится противъ больного и начинаетъ играть на кобызѣ, кричать дикимъ голосомъ, произносить безсмысленныя рѣчи; потомъ хватается плетъ и начинаетъ бить больного..... Нужно впрочемъ замѣтить, что гадатели прибѣгаютъ иногда и къ болѣе рациональному способу лѣченія. Такъ, напр., отъ простуды лѣчатъ такимъ образомъ: убиваютъ лошадь, тотчасъ же сдираютъ съ нея кожу и плотно обвертываютъ ею больного. Отъ той же болѣзни лѣчатъ также и такимъ образомъ: завертываютъ больного въ кошму и легонько катаютъ до тѣхъ поръ, пока онъ хорошенько не пропотѣетъ; затѣмъ, давъ ему остыть, развертываютъ кошмы, но тѣло все-таки оставляютъ нѣсколько прикрытымъ.

Между киргизами, имѣющими частыя сношенія съ русскими, можно встрѣтить крещеныхъ. Такіе киргизы обыкновенно оставляютъ кочевой образъ жизни, переселяются въ городъ или село и здѣсь поступаютъ въ услуженіе къ русскимъ.

Лѣтосчисленіе у киргизовъ своеобразно. Счетъ времени они ведутъ по цикламъ

*) Въ память дарованія корана.

или эрамъ. Цикль или эра состоитъ изъ 12 лѣтъ. Каждый годъ въ цикль имѣтъ свое особое названіе, напр.: „ить“ (собака), „тишканъ“ (мышь), „куянъ“ (заяць), „джилянъ“ (змѣя), „джилки“ (лошадь), „кой“ (баранъ) и т. д. Такимъ образомъ, если киргизъ говоритъ, что со времени такого-то событія минуло три „кой“, это значитъ, что прошло уже 36 лѣтъ, такъ какъ „кой“ бываетъ въ каждомъ циклѣ только одинъ разъ.

Киргизы могутъ быть причислены къ довольно способному племени. Они обладаютъ хорошею памятью и особенно прочно запоминаютъ мѣстность. Киргизъ никогда не заблудится въ той мѣстности, по которой онъ хоть разъ проѣхалъ. Кромѣ памяти, они обладаютъ значительною сообразительностью и находчивостью, нерѣдко помогающею имъ выпутаться изъ затруднительнаго положенія. Изъ виѣшнихъ чувствъ у нихъ особенно сильно зрѣніе. Киргизъ ясно видитъ на такомъ разстояніи, на какомъ русскій ничего не въ состояніи различить. Между киргизами успѣшно распространяется татарская грамотность. Несмотря на трудный способъ обученія, киргизскіе мальчики овладѣваютъ этой грамотой. Обучаетъ ей обыкновенно учитель-мулла, нанимаемый богатыми киргизами. Для веденія обученія отводится особая юрта. Вмѣстѣ съ сыновьями богатыхъ киргизовъ обучаются и мальчики бѣдныхъ киргизовъ. Сдавая муллѣ для ученія сына, отецъ приговариваетъ: „кости мон, а мясо твое“. Это значитъ, что учитель можетъ наказывать своего ученика, сколько захочетъ, лишь бы только не повредилъ его костей, не причинилъ ему увѣчья. Ученіе начинается обыкновенно съ ранняго утра. Проходя рано утромъ по аулу, можно иногда слышать въ юртѣ муллы-учителя голоса учениковъ, выкрикивающихъ слова корана. Учитель обучаетъ не всѣхъ учениковъ сразу, а поодиночкѣ. Каждый ученикъ читаетъ свое. Мулла выслушиваетъ то того, то другого ученика, и, если замѣчаетъ, что ученикъ твердо выучилъ урокъ, задаетъ ему новый и прочитываетъ съ нимъ задаваемое; если же находитъ, что онъ не твердо выучилъ его, приказываетъ твердить еще.

Если ученіе происходитъ лѣтомъ, то съ наступленіемъ жары, около 11 часовъ дня, занятія прерываются и ученики распускаются, пока не спадетъ жара. Около 4-го или 5-го часа пополудни они снова собираются и занимаются до сумерекъ.

Мулла не только обучаетъ, но и воспитываетъ своихъ учениковъ, приучая ихъ къ послушанію и почтительности къ старшимъ. За всякій проступокъ онъ наказываетъ строго.

По пятницамъ ученія обыкновенно не бываетъ. Ученики изъ ближайшихъ ауловъ отпускаются на этотъ день домой. Возвращаясь изъ отпуска, каждый ученикъ приноситъ муллѣ-учителю подарокъ (джумалыкъ). Сыновья богатыхъ приносятъ по нѣскольکو копеекъ, а сыновья бѣдныхъ приносятъ куртъ (овечій сыр) или вообще что-нибудь съѣстное.

Въ нѣсколькихъ городахъ Киргизскаго края учреждены, по распоряженію русскаго правительства, пансіоны для киргизскихъ дѣтей. Въ этихъ пансіонахъ мальчики и даже дѣвочки успѣшно обучаются русскому чтенію и письму, ариметикѣ и другимъ предметамъ элементарнаго курса. Кромѣ того, между учениками многихъ начальныхъ русскихъ школъ можно встрѣтить киргизскихъ дѣтей. Даже нѣкоторые среднеучебныя заведенія края имѣютъ въ настоящее время между своими учениками киргизовъ. При прохожденіи курса этихъ заведеній ученики-киргизы не отстаютъ отъ своихъ русскихъ сверстниковъ.

Киргизы удивительно любопытны. Какъ только войдетъ въ ихъ юрту путешественникъ, они усаживаютъ его на кошму и начинаютъ разспрашивать: откуда, куда и зачѣмъ онъ ѣдетъ? есть ли у него семья? сколько стѣдитъ его лошадь, сбруя, одежда? и т. п. Вопросамъ ихъ, кажется, нѣтъ конца. Чѣмъ больше путешественникъ имъ рассказываетъ новостей, тѣмъ большее уваженіе онъ пріобрѣтаетъ въ ихъ глазахъ. Чтобъ узнать какую-нибудь новость, киргизъ готовъ проскакать нѣсколько верстъ, и, узнавъ ее, спѣшитъ въ свой или сосѣдній аулъ, чтобы рассказать услышанное.

Киргизы гостепріимны. Кто бы ни пріѣхалъ къ нимъ, онъ найдетъ у нихъ радушный пріемъ. Пріѣхавшій гость обыкновенно слѣзаетъ съ лошади и, держа ее за поводъ, садится подлѣ двери юрты. Выходитъ хозяинъ и проситъ его войти въ юрту. Затѣмъ угощаетъ его кумысомъ и начинаетъ разспрашивать обо всемъ, что его интересуетъ. Гость, прихлебнувъ кумыса изъ поданной ему чашки, дополняетъ ее самъ и подаетъ хозяину. Этого требуетъ вѣжливость. Если хозяинъ знаетъ, что гость можетъ прожить у него нѣсколько часовъ, онъ не поспушитъ зарѣзать барана, чтобы угостить его. Въ такомъ случаѣ въ юрту хозяина собираются знакомые и начинается угощеніе.

При любопытствѣ и гостепріимствѣ, киргизы скрытны. Киргизъ не скоро откроетъ свою душу и выскажетъ свои чувства. Онъ сначала выпытаетъ собесѣдника, расположенъ ли онъ къ нему, и если замѣтитъ искреннее дружелюбіе и неподдѣльную ласковость, то и самъ сдѣлается откровеннымъ.

При сношеніяхъ между собою и съ русскими киргизы держатъ себя съ нѣкоторымъ достоинствомъ. Здраваясь, они одинаково всѣмъ протягиваютъ руку. Отношенія ихъ къ русскому чиновнику опредѣляются обыкновенно характеромъ послѣдняго: если онъ уступчивъ и мягокъ, — они притязательны; если же по складу своего характера онъ всегда готовъ дать ихъ незаконной притязательности энергичный, спокойный и справедливый отпоръ, — они сговорчивы.

Кочевая жизнь киргизовъ, при чемъ имъ часто приходится подвергаться переменамъ температуры, переносить стужу и жару, закалила ихъ и сдѣлала выносливыми. Они съ болѣею стойкостью переносятъ всѣ климатическія измѣненія, холодъ, голодъ и жару, чѣмъ цивилизованные народы.

Киргизы, какъ и другіе инородцы, стоящіе на низшей ступени цивилизаціи, предпочитаютъ ничегонедѣланіе труда. Если нужда не побуждаетъ киргиза приняться за работу, онъ охотно лежитъ на кошмѣ въ своей юртѣ или же переходитъ изъ юрты въ юрту, стараясь услышать какую-нибудь новость. Но если нужда побудитъ его приняться за работу, онъ тогда не утомимъ.

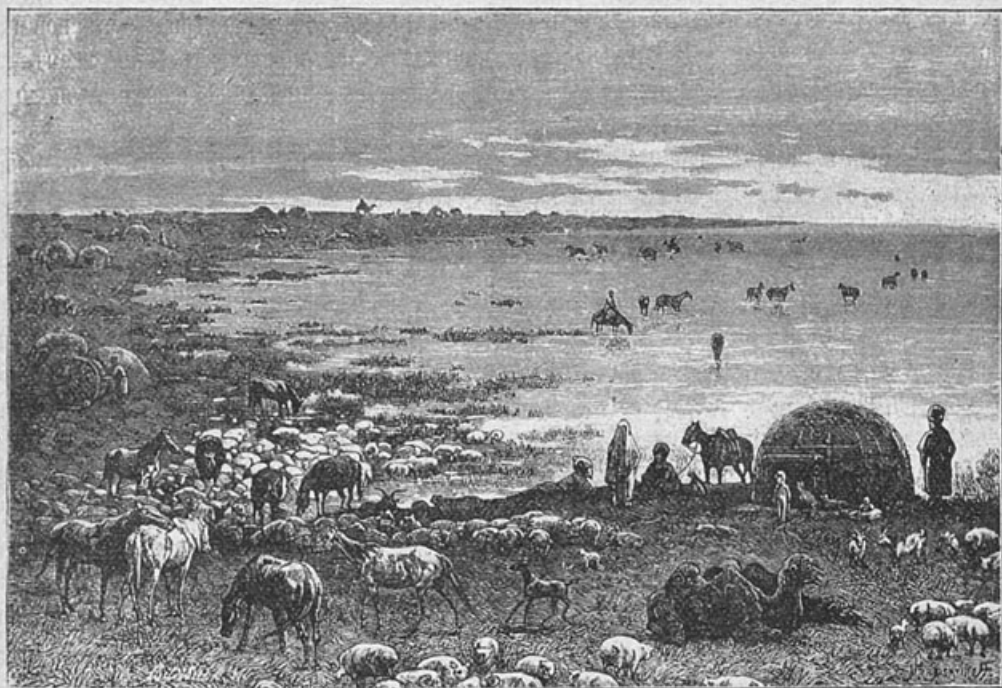
Киргизы обладаютъ по-преимуществу живымъ, подвижнымъ и даже веселымъ темпераментомъ. Они всегда готовы принять участіе въ какомъ-нибудь увеселеніи.

Киргизы смѣлы. Будучи плохо вооружены, они смѣло идутъ на волка или даже тигра и справляются съ нимъ. На врага они нападаютъ обыкновенно съ крикомъ и взвизгиваніемъ; но они не въ состояніи противостоятъ правильно устроенной войску. Если они нападаютъ на караванъ или таборъ съ цѣлью грабежа и имъ не удастся овладѣть добычей съ перваго раза, они не пытаются уже напасть во второй разъ.

Главное занятіе киргизовъ состоитъ въ скотоводствѣ. Они разводятъ преимущественно овецъ, лошадей и верблюдовъ.

Киргизскія овцы съ курдюками; онѣ даютъ вкусное мясо, сало и шерсть, изъ которой готовятъ войлоки.

Второе мѣсто послѣ овецъ въ хозяйствѣ киргизовъ занимаютъ лошади. Киргизскія лошади малы ростомъ, но выносливы и быстро бѣгутъ, особенно подъ верхомъ. Рѣдкій киргизъ не имѣетъ нѣсколькихъ лошадей, а богатые считаютъ ихъ табунами. Лошади служатъ имъ не только для ѣзды, но также идутъ въ пищу. Они съ удовольствіемъ ѣдятъ лошадиное мясо и изъ лошадиного молока дѣлаютъ здоровый и питательный напитокъ — кумысъ.

Верблюдовъ держатъ преимущественно для перевозки тяжестей. Въ песчаныхъ степяхъ верблюдъ незамѣнимъ, такъ какъ долгое время можетъ пробыть безъ пищи и питья и довольствуется самымъ неприхотливымъ кормомъ, котораго не станутъ ѣсть лошади или рогатый скотъ. Годовому верблюду прокалываютъ носовой хрящъ и вѣвдаютъ въ оный палочку или кость, къ обоимъ концамъ которой привязывается веревка, служащая вмѣсто узды. Верблюды идутъ обыкновенно гуськомъ (по караванному выраженію „ниткой“), привязанные одинъ къ другому. На каждого верблюда кладется тяжести до 18 пудовъ, а въ тѣлѣжкѣ или арбѣ онъ можетъ везти до 50 пудовъ. При остановкѣ на кормовку вожакъ дернетъ верблюда за веревочку, продѣтую въ носовой хрящъ, и тотъ ложится. Вожакъ снимаетъ съ него тюки и пускаетъ пастись. Верблюдъ скоро наѣдается, послѣ чего ложится отдохнуть. Послѣ отдыха, по слову „чокъ“, онъ становится на колѣни и даетъ класть на себя ношу. Въ теченіе дня верблюдъ проходитъ съ ношей до 50 верстъ.

Рогатого скота киргизы держатъ сравнительно меньше, при чемъ быки употребляются для перевозки тяжестей, а коровы содержатся для молока.

Занимаясь скотоводствомъ, киргизы поставлены въ необходимость перекочевывать съ мѣста на мѣсто. Съѣлъ скотъ траву въ одномъ мѣстѣ—киргизы складываютъ свои юрты и свой домашній скарбъ на арбы и перекочевываютъ на другое мѣсто. При перекочевкѣ сначала идутъ лошади, за ними слѣдуютъ овцы и рогатый скотъ, а за овцами и скотомъ уже движутся арбы, запряженные верблюдами. Мужчины скачутъ на своихъ быстрыхъ коняхъ по сторонамъ табора и пригоняютъ къ мѣсту каждую лошадь или каждую овцу, которая вздумала свернуть въ сторону. Женщины и дѣти помѣщаются на арбахъ или верхомъ на лошадяхъ. Шумъ, крикъ, скрипъ немазанныхъ колесъ, блеяніе овецъ, ржаніе лошадей—все это сливается въ одинъ нестройный гулъ, слышимый далеко отъ табора. Встрѣтилось на пути мѣсто, гдѣ есть вода и достаточно корма,—таборъ останавливается, женщины быстро усаживаютъ юрты, мужчины ищутъ топлива, раскладываютъ огонь, и жизнь кочевниковъ входитъ въ обычную колею, пока скотъ не съѣстъ всю траву.

Киргизы думаютъ, что кочевой образъ жизни самый нормальный для человѣка. Когда профессоръ Вамбери спросилъ у одной киргизки о причинахъ, побуждающихъ ихъ перекочевывать съ мѣста на мѣсто, она удивилась вопросу и со смѣхомъ отвѣчала: „Мы не такъ лѣнны, какъ вы, молла! намъ не усидѣть по цѣлымъ днямъ на одномъ мѣстѣ. Человѣкъ долженъ двигаться, потому что,—посудите сами,—солнце, мѣсяцъ, звѣзды, вода, животныя, птицы, рыбы—все движется, только земля и мертвые остаются на мѣстѣ!“

Киргизскія лошади круглый годъ остаются на подножномъ корму. Зимой онѣ добываютъ себѣ кормъ пѣз-подъ снѣга. Для овецъ киргизы заготавливаютъ на зиму нѣсколько стоговъ сѣна.

Кромѣ скотоводства, многіе киргизы занимаются хлѣбопашествомъ. Они сѣютъ овесъ, рожь, пшеницу, просо, а въ южныхъ частяхъ степи разводятъ даже бахчи съ арбузами и дынями. Способъ обработки полей первобытный. Въ южныхъ частяхъ степи прибѣгаютъ къ искусственному орошенію полей (арыками).

Занимаются киргизы также охотой; это занятіе, впрочемъ, не составляетъ у нихъ промысла, а служитъ скорѣе развлеченіемъ. Кромѣ обыкновенной охоты съ ружьемъ, обращаетъ на себя вниманіе охота на волковъ зимой и охота съ соколомъ лѣтомъ. На волковъ киргизы охотятся верхомъ. У каждого изъ нихъ въ рукѣ длинная плеть, на концѣ которой привязанъ кусокъ желѣза или камень. Напавши на слѣдъ волка, они начинаютъ преслѣдовать его. Волкъ, почуявъ бѣду, убѣгаетъ; его нагоняютъ и стараются ударить плетью. Одинъ или два удара кладутъ волка на мѣстѣ. Убитого волка везутъ въ юрту; здѣсь снимаютъ съ него шкуру, которую продаютъ или употребляютъ на шубу. Охота съ соколомъ производится такъ: выѣзжаетъ киргизъ, держа на перчаткѣ, надѣтой на лѣвой рукѣ, сокола, приученнаго къ охотѣ за птицами. На головѣ сокола шапочка; она закрываетъ ему глаза, чтобъ онъ не улетѣлъ не во-время. Впереди бѣжитъ собачка. Лишь только она подниметъ куропатку, какъ шапочка снимается, и соколъ, взвившись вверхъ, стрѣлой налетаетъ на куропатку и вонзаетъ ей въ спину свои острые когти. Минуту спустя, киргизъ уже укладываетъ въ мѣшокъ куропатку, а сокола надѣляетъ заранѣе приготовленнымъ кускомъ сырого мяса.

Рыболовством киргизы почти не занимаются; если же нѣкоторые изъ нихъ занимаются, то не для пищи себѣ, такъ какъ они рыбы не любятъ, а для продажи.

Говоря о занятіяхъ киргизовъ, слѣдуетъ упомянуть также о производствѣ ими войлочныхъ издѣлій и армячины изъ овечьей или верблюжьей шерсти. Этимъ дѣломъ преимущественно занимаются женщины; онѣ же шьютъ одежду себѣ и мужчинамъ и вышиваютъ узоры по полотну или кожѣ. Вообще слѣдуетъ сказать, что большая часть работы по домашнему хозяйству выполняется женщинами: онѣ ходятъ за дѣтьми, готовятъ пищу, доятъ скотъ, готовятъ кумысъ, обшиваютъ семью, дѣлаютъ кошмы, циновки и ставятъ юрту. Мужчины же или лежатъ на кошмѣ въ юртѣ, или же работаютъ внѣ юрты: стерегутъ скотъ, косятъ сѣно, заготавливаютъ дрова и возятъ ихъ на базаръ и т. п.

Пищей киргизовъ служитъ баранье, лошадиное и верблюжье мясо. Ѣдятъ они его варенымъ или копченымъ. Самымъ вкуснымъ они находятъ мясо молодыхъ жеребятъ. Изъ лошадиного мяса они готовятъ „казы“ — родъ колбасы, а изъ баранины, мелко искрошивши ее и обливши топленымъ саломъ, они готовятъ „башбармакъ“. Изъ молочной пищи они употребляютъ „рамчикъ“ и „крутъ“ — сыръ, который Ѣдятъ въ сухомъ видѣ, а также разбавленнымъ водой. Изъ мучной пищи готовятъ такъ называемый „баурсакъ“ — лепешки изъ прѣснаго тѣста, изжаренныя въ салѣ. Готовятъ также „кужу“ или „буткѹ“ — пшеничную или просынную похлебку. Богатые киргизы любятъ угощаться цилавомъ, т.-е. свареннымъ въ бараньемъ салѣ рисомъ съ бараниной.

Главный напитокъ киргизовъ — кумысъ. Этотъ здоровый, питательный и нѣсколько опьяняющій напитокъ кисловато-вяжущаго вкуса готовится такъ: лошадиное молоко вливаютъ въ сабу и прибавляютъ къ нему небольшое количество кислаго молока или крута. Слѣзь эту время отъ времени взбалтываютъ деревянной колотушкой, на концѣ которой имѣется круглая дощечка съ просверленными въ ней дырочками. Черезъ два или три дня кумысъ готовъ, и его начинаютъ пить, а въ сабу вливаютъ свѣжаго лошадиного молока.

Кромѣ кумыса, многіе киргизы пьютъ чай, заваривая его въ котелкѣ или на самоварѣ.

Ѣдятъ киргизы сидя на землѣ, поджавши ноги. Пищу ставятъ, въ деревянной мискѣ, на низкій столъ, вокругъ котораго помѣщается вся семья. Сначала беретъ себѣ кусокъ самый старшій, затѣмъ слѣдующій по старшинству и т. д. Если въ кругу семьи ѣсть гость, то хозяинъ считаетъ своею обязанностью собственными пальцами положить ему въ ротъ кусокъ пищи. За такую любезность гость старается отплатить хозяину тѣмъ же. Ножей и вилокъ при ѣдѣ киргизы не употребляютъ. Определеннаго времени для принятія пищи они не имѣютъ, а Ѣдятъ, когда захотятъ; большею же частью они припимаютъ пищу рано утромъ и вечеромъ. При изобиліи пищи киргизъ сѣдасть за троихъ, но зато при недостаткѣ ея терпѣливо переносить голодъ.

Скажемъ о важнѣйшихъ бытовыхъ обрядахъ киргизовъ.

При свадьбѣ совершаются слѣдующіе обряды: отецъ жениха посылаетъ къ родителямъ невесты сватовъ, которые условливаются о количествѣ калыма, т.-е. платы за невесту. Размѣръ калыма опредѣляется состояніемъ жениха; иногда

онъ достигаетъ до сотни лошадей, рогатаго скота и верблюдовъ. Условившись насчетъ количества калыма, родители невѣсты въ свою очередь отправляютъ пословъ къ родителямъ жениха. Послы получаютъ часть условленнаго калыма и угоняютъ полученный скотъ въ аулъ невѣсты. За ними слѣдуетъ женихъ съ подарками тестю. Передавши подарки, онъ помѣщается въ приготовленной ему юртѣ. Родственницы невѣсты оказываютъ ему возможныя услуги: приносятъ ему ѣду, воду и т. п. За каждую услугу онъ низко кланяется, опутивши длинные рукава своего халата. Невѣста въ сопровожденіи подругъ и молодыхъ парней (джигитовъ) ѣдетъ прощаться со своими родными и знакомыми; тѣ угощаютъ ее и ея провожатыхъ. Въ это время къ тестю пригоняютъ остальную часть скота. По уплатѣ, такимъ образомъ, калыма и по возвращеніи невѣсты домой, совершается обрядъ бракосочетанія. Жениха и невѣсту вводятъ въ юрту, при чемъ послѣднюю ставятъ за особую занавѣску. Мулла спрашиваетъ ихъ, желаютъ ли они вступить въ бракъ; они обыкновенно отвѣчаютъ въ прошедшемъ времени (я желалъ, я желала), или ничего не отвѣчаютъ. Молчаніе принимается за знакъ согласія. Мулла прочитываетъ молитву, при чемъ дуетъ на приготовленную воду и даетъ ее пить жениху, невѣстѣ и свидѣтелямъ. Послѣ брака отецъ невѣсты обращается къ ней со словами: „живи такъ, чтобы меня не проклинали“. Затѣмъ, обратившись къ зятю, говоритъ: „не оскорбляй жены, чтобы не омрачить моей славы“. Молодая уходитъ въ другую юрту и переодевается въ одежду замужней женщины (повязываетъ голову бѣлымъ покрываломъ). Всѣмъ затѣмъ новобрачные отправляются въ аулъ мужа; за ними везутъ приданое, размѣръ котораго соотвѣтствуетъ обыкновенно размѣру калыма. Оно состоитъ по большей части изъ юрты, постели, 9 рубахъ, 9 холстовъ, 9 халатовъ или шубъ, 9 ковровъ, головного убора съ серебряными бляхами и сѣдла. Все это укладывается въ арбы или навьючивается на лошадей или верблюдовъ. Чѣмъ больше арбъ, верблюдовъ и лошадей слѣдуетъ за новобрачной, тѣмъ больше славы и ей самой, и ей отцу, а мужу — прибыли. Съ приближеніемъ поѣзда къ аулу мужа, навстрѣчу молодой выходятъ ея свекровь и другія родственницы со своими знакомыми. Пока идутъ привѣтствія, нѣсколько женщинъ спѣшатъ поставить привезенную за молодой юрту и разложить въ ней необходимыя для хозяйства принадлежности. Когда юрта готова, въ нее вводятъ новобрачныхъ. Отецъ новобрачнаго разсылаетъ по ауламъ гонцовъ съ приглашеніемъ на свадебныя пиршества. Чѣмъ онъ богаче, тѣмъ болѣе съѣзжается гостей и тѣмъ болѣе закалывается барановъ и лошадей для угощенія ихъ. Для съѣхавшихся гостей устраиваются игры (байга).

Дѣвушку у киргизовъ нерѣдко просватываютъ задолго до свадьбы. Можетъ случиться, что просватанная невѣста умретъ, или не захочетъ выйти за назначеннаго ей жениха, или родители выдадутъ ее за другого; тогда они обязаны выдать жениху вторую свою дочь; если же таковой нѣтъ, то должны возвратить калымъ и заплатить штрафъ. Если женихъ умретъ или откажется отъ невѣсты, то на ней долженъ жениться его братъ, а если брата нѣтъ, то родители невѣсты возвращаютъ калымъ.

Разводъ у киргизовъ совершается довольно легко. Достаточно, чтобы мужъ въ продолженіи дня три раза сказалъ женѣ: „уйди прочь отъ меня“, чтобы разводъ состоялся. При разводѣ, совершенномъ по желанію мужа, калымъ, уплаченный имъ, ему не возвращается.

Женъ себѣ киргизы стараются выбирать изъ семействъ, которыя соотвѣтствовали бы имъ по роду, знатности и богатству: киргизъ, принадлежащій къ высшему сословію (бѣлой кости), съ трудомъ согласится жениться на дѣвушкѣ изъ семьи, принадлежащей къ низшему сословію (черной кости).

Къ дѣтямъ своимъ киргизы относятся ласково и заботливо. По рожденіи ребенка, его обмываютъ, обвертываютъ въ тряпки и кладутъ въ колыбель, къ которой и привязываютъ тесьмой. Для удобства при ношеніи къ колыбелькѣ придѣлываются обручи. На пятый день ребенку даютъ имя, при чемъ мать получаетъ подарки стѣ отца и родственниковъ ребенка, а отецъ устраиваетъ угощеніе для родныхъ и знакомыхъ. Мать обыкновенно кормитъ своего ребенка очень долго, иногда до трехъ лѣтъ.

Похороны у киргизовъ совершаются при слѣдующихъ обрядахъ. О смерти покойника гонцы извѣщаютъ родственниковъ и знакомыхъ. Тѣ и другіе спѣшатъ навѣстить покойника; вошедши въ юрту, они прочитываютъ установленную молитву и отходятъ въ сторону. Трупъ обмываютъ, обвертываютъ въ бумажную матерію и бѣлый войлокъ и обвязываютъ тесьмой. Затѣмъ кладутъ его на коверъ и отдѣляютъ отъ остального пространства юрты занавѣской. Хоронятъ покойника въ день его смерти; если же этотъ день, по вѣрованію киргизовъ, несчастный (вторникъ, пятница, воскресенье), то похороны откладываются до слѣдующаго дня. Когда все готово для похоронъ, трупъ везутъ или несутъ на мѣсто погребенія. Могилу роютъ возлѣ дороги или рѣки, дабы удобнѣе было посѣщать ее. Жена и дочери въ погребальной церемоніи не участвуютъ; онѣ остаются въ особой юртѣ и во всю ночь голосятъ и причитываютъ. Вдова покойнаго, кромѣ того, въ знакъ своей глубокой печали, царапаетъ себѣ до крови лицо и руки.

Покойника помѣщаютъ въ могилѣ лицомъ къ Меккѣ. Могилу закладываютъ досками и затѣмъ засыпаютъ ее землей. Надъ могилой прочитываютъ молитву и закалываютъ барана, а у богатыхъ лошадей.

Похороны кончены. Всѣ возвращаются въ юрту, гдѣ происходитъ угощеніе мясомъ заколотаго барана или лошади. Въ угощеніи не принимаетъ участія вдова покойнаго. Въ знакъ печали она въ первые дни послѣ смерти мужа не должна даже ѣсть днемъ, а только ночью. Трауръ продолжается 40 дней, при чемъ мужчины не бреютъ себѣ головы, а женщины снимаютъ съ себя украшенія—серьги и кораллы. На третій, седьмой и сороковой день бываютъ поминки по покойникѣ, при чемъ бываетъ угощеніе приглашенныхъ гостей. Но главныя поминки справляются чрезъ годъ послѣ смерти покойника. Поминки эти называются „асъ“. Онѣ продолжаются иногда до семи дней. Созываются родные и знакомые не только изъ ближайшихъ, но также и изъ отдаленныхъ ауловъ. Многіе, узнавъ о предстоящемъ „асѣ“, пріѣзжаютъ безъ приглашенія. Родственники покойнаго заготавливаютъ, для угощенія гостей, много баранины, конины и кумыса. Нерѣдко сами гости привозятъ съ собою необходимые для угощенія мясо и кумысъ. Въ день, назначенный для аса, украшаютъ юрту покойнаго лучшими вещами: коврами, одѣялами, оружіемъ и проч. Возлѣ юрты стоятъ верблюды и лошади, которыхъ наиболѣе любилъ покойный. Мулла открываетъ праздникъ чтеніемъ молитвы. Кругомъ стоятъ разряженные женщины; онѣ вспоминаютъ хорошія качества покойнаго, плачутъ и причитываютъ. Послѣ молитвы закалывается любимая лошадь умершаго. Собравшіеся на поминки ѣдятъ, а затѣмъ устраиваютъ игры и между прочимъ байгу.

Надъ могилою почетнаго лица возводится памятникъ въ видѣ глиняной пирамиды, конуса или четырехугольной ограды, съ башнями по угламъ, иногда весьма затѣйливой архитектуры.

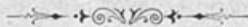
Увеселенія киргизовъ состоятъ въ слушаніи разсказовъ и игрѣ въ бараньи кости; главнымъ же ихъ увеселеніемъ служить байга. Байга устраивается по поводу свадьбы, поминковъ и вообще по поводу какого-нибудь важнаго случая въ жизни киргизовъ. Нерѣдко само начальство устраиваетъ для киргизовъ байгу.

Байга обыкновенно начинается борьбой киргизскихъ силачей. Выходятъ два киргиза, измѣриваютъ другъ друга глазами и начинаютъ бороться. Если силы у борющихся равны, они долго ходятъ кругомъ, стараясь свалить другъ друга. Толпа между тѣмъ подстрекаетъ ихъ всякаго рода насмѣшками, похвалами, крикомъ и гиканьемъ. Вотъ одинъ изъ нихъ, улучивъ минуту, свалилъ противника. Одобрительныя восклицанія служатъ наградой побѣдителю. Кромѣ борьбы, киргизы состязаются въ лазаніи на столбѣ, на вершинѣ котораго повѣшенъ призъ. Съ трудомъ достается стѣпнякамъ этотъ призъ. Рѣдкій можетъ взобраться на столбъ. Иногда состязанія бываютъ и такія: ставятъ верблюда; кто, разбѣжавшись, перескочитъ чрезъ него, тому онъ и достается. Вѣшаютъ также на нитку серебряную монету; кто попадетъ въ нее изъ винтовки, тотъ беретъ ее себѣ. Самая важная часть байги состоитъ въ скачкѣ лошадей-бѣгуновъ. Для бѣга назначается разстояніе верстъ въ 25. По знаку судей или свидѣтелей всадники стремглавъ пускаются въ бѣгъ, стараясь опередить другъ друга. Каждый изъ нихъ крикомъ, взвизгиваніемъ и ударами плети погоняетъ своего бѣгунца. Лошади мчатся, какъ стрѣлы, и бѣда тому,—будь то животное или человѣкъ,—кто встрѣтится на пути и не успѣетъ посторониться.... Толпа съ нетерпѣніемъ ждетъ, когда покажутся всадники. Вотъ вдали показалась пыль. Всѣ вскрикнули и замолчали, обративши вниманіе на приближающихся всадниковъ. Первая лошадь прискакала. Она вся въ мыль. Торжествующій всадникъ соскакиваетъ съ нея и представляется судѣ. Лошадь уводятъ. Вслѣдъ за первымъ всадникомъ показывается второй, потомъ третій и т. д. Прискакавшій первымъ получаетъ самый дорогій призъ—или юрту, или конскую сбрую, или шелковый халатъ, или другую цѣнную вещь. Прискакавшій вторымъ получаетъ второй, менѣе цѣнный призъ. Полученный призъ въ прежнее время передавался, по существовавшему обычаю, старшему въ родѣ, а не оставлялся выигравшимъ у себя. По окончаніи игръ и состязаній киргизы угощаются. Они усаживаются группами около котловъ, куда распорядители бросаютъ огромные куски вареной баранины или конины. Какъ только въ котелъ попалъ такой кусокъ, киргизы съ волчьей жадностью рвутъ его своими пальцами и ѣдятъ.

Пляски у киргизовъ нѣтъ никакой. Игру на инструментѣ иногда приходится слышать. Изъ музыкальных инструментовъ употребительны: *кобызъ*—родъ віолончели съ колышкомъ внизу, для упора въ землю; на немъ играютъ смычкомъ; *домбра*—родъ треугольной балалайки съ двумя или тремя бараньими струнами; *зура*—духовой инструментъ, вродѣ короткаго гобоя. Что касается пѣнія, то его тоже можно услышать у киргизовъ. Напѣвъ ихъ пѣсенъ—монотонный и протяжный. Тянетъ киргизъ до тѣхъ поръ, пока голосъ не оборвется; ему кажется, что чѣмъ дольше онъ тянетъ, тѣмъ лучше поетъ.

Киргизы большею частью импровизируют свои пѣсни. Пѣвецъ поетъ обыкновенно про то, что видитъ или что чувствуетъ въ данный моментъ. Вотъ вздумалось киргизу, ѣдущему по степи на верблюдѣ, пѣть, — и онъ начинаетъ свое монотонное пѣвіе. Увидѣвъ онъ птичку — запоетъ про нее, затѣмъ про то, что онъ чувствуетъ голодъ; наконецъ, переходитъ на что-нибудь другое. Иногда трудно уловить нить мысли его пѣсни; она такъ же быстро перебѣгаетъ отъ одного изъ окружающихъ предметовъ на другой, какъ быстро смѣняются впечатлѣнія пѣвца отъ этихъ предметовъ. Вотъ, для примѣра, переводъ одной импровизованной киргизской пѣсни: „Бросися ястребъ на утокъ, на стадо, стадо большое.... А я самъ боленъ, и ѣда на умъ не идетъ“.

Между киргизами встрѣчаются пѣвцы по призванію. Они приглашаются на празднества и здѣсь поютъ, сопровождая своему пѣнію игрою на домбрѣ. Пѣсни ихъ нерѣдко отличаются задушевностью и содержательностью. Слушатели, окружая пѣвца со вниманіемъ слушаютъ его, выражая иногда возгласомъ свое одобреніе.

113

САРТЫ.

Сарты произошли отъ смѣшенія древняго иранскаго населенія Туркестана съ позднѣйшими завоевателями и поселенцами тюрко-монгольскаго племени. Говорятъ они нарѣчіемъ тюркскаго языка. Всѣхъ ихъ насчитывается около 600 тысячъ человѣкъ.

Вслѣдствіе своего смѣшаннаго происхожденія, сарты носятъ въ своей физіономіи черты иранскія, или персидскія, и тюрко-монгольскія, при чемъ у однихъ преобладаютъ первыя, а у другихъ—вторыя. Вообще же говоря, сарты имѣютъ довольно правильный овалъ головы, смугловатый цвѣтъ лица, черные, большіе, продолговатаго разрѣза глаза, окаймленные густыми дугообразными бровями, прямой, а иногда съ горбомъ носъ и слегка выдавшіяся скулы. Волосы ихъ черны и борода густа. Они довольно высокаго роста и стройны; дородность ихъ иногда переходитъ въ тучность.

Обыкновенной одеждой сартовъ служитъ широкій цвѣтной халатъ. Желая похвастаться своимъ богатствомъ, сартъ надѣваетъ нѣсколько халатовъ, при чемъ нижній халатъ надѣваетъ въ рукава, а верхніе — на распашку. По нижнему халату онъ опоясывается широкимъ бумажнымъ или кожанымъ поясомъ, на которомъ сбоку виситъ кошелекъ и футляръ для ножа. Обувью служатъ ичиги, сверхъ которыхъ надѣваютъ калоши съ загнутыми вверхъ носками. Калоши обыкновенно снимаются при входѣ въ домъ, при молитвѣ и принятіи пищи. На голову надѣваютъ аракинъ (ермолку), поверхъ котораго повязываютъ чалму. Многіе вмѣсто чалмы носятъ какъ лѣтомъ, такъ и зимой мѣховую шапку съ отогнутыми наружу краями.

Одежда женщинъ состоитъ изъ рубашки съ вышивкой, идущей со спины на грудь широкой полосой, и халата, отличающагося покроємъ отъ мужского. Халатомъ онѣ покрываютъ не только туловище, но и голову. Лицо закрываютъ черною вуалью, сдѣланною по большей части изъ конскаго волоса.

Слѣдуетъ вообще замѣтить, что сарты любятъ щеголять своею одеждой. Нарядившись въ свой нарядный пестрый костюмъ, сартъ въ праздникъ выходитъ на улицу пощеголять имъ передъ знакомыми.

Живутъ сарты преимущественно въ городахъ; занимающіеся же земледѣіемъ живутъ въ кишлакахъ (селеніяхъ). Вообще говоря, они предпочитаютъ скученную городскую жизнь жизни деревенской, и, если представляется возможность, сартъ охотно перебирается жить изъ кишлака въ городъ.

Жилищемъ богатыхъ сартовъ служатъ дома восточной архитектуры, а бѣдныхъ—сакли. Какъ дома, такъ и сакли строятся большею частью изъ камней и глины и имѣютъ плоскую крышу, на которой хозяева проводятъ время въ теплую погоду.

Внутренность богатаго сартовскаго дома раздѣлена на нѣсколько комнатъ, изъ которыхъ первая служитъ для приѣма гостей; въ слѣдующей комнатѣ помѣщается хозяинъ, а въ заднихъ—его семейство. Рядомъ съ комнатою хозяина находится помѣщеніе для склада товаровъ и домашнихъ принадлежностей. Комната, предназначенная для приѣма гостей, обыкновенно содержится чище другихъ: у стѣнъ ея разставлены красивые кожаные сундуки съ имуществомъ, въ нишахъ разставлена болѣе цѣнная домашняя посуда, на стѣнахъ висятъ ковры, халаты; тутъ же можно видѣть и изображеніе Мекки.

Сакля бѣднаго сарта состоитъ обыкновенно изъ одной комнаты съ небольшимъ вверху окномъ. Въ нее ведетъ низенькая дверь. Посреди сакли вырывается яма, служащая очагомъ, надъ которымъ въ холодное время ставятъ табуретъ, покрытый одѣялами. Подъ эти одѣяла сарты прячутъ ноги и такимъ образомъ согрѣваютъ ихъ. Глиняный полъ сакли выстилается коврами, на которыхъ сарты сидятъ, поджавши ноги.

Возлѣ своихъ домовъ и сакель сарты нерѣдко разводятъ огороды и садики съ плодовыми деревьями и цвѣтами.

Домашній бытъ сартовъ отличается патріархальностью и простотою. Дѣти относятся съ почтеніемъ къ своимъ родителямъ и старшимъ родственникамъ и сами пользуются ихъ нѣжною любовью и заботливостью. Женщины у сартовъ не показываются постороннимъ мужчинамъ. У состоятельныхъ для женщинъ устраивается даже особое помѣщеніе, отдѣленное отъ мужского жилья.

Въ пищѣ сарты умѣренны. Преобладающая ихъ пища растительная: мучныя лепешки, фрукты и т. п.; пищу приправляютъ приностями; мяса употребляютъ мало.

Сарты занимаются веѣми промыслами, существующими въ краѣ. Такъ, многіе изъ нихъ занимаются земледѣліемъ, при чемъ для обработки земли нанимаютъ рабочихъ. Для орошенія своихъ полей они проводятъ арыки. Съ большою охотою они занимаются также садоводствомъ. Владѣя значительными фруктовыми садами, они снабжаютъ фруктами не только Туркестанскій край, но и сѣверныя области страны, гдѣ фрукты не растутъ.

Ремесленная дѣятельность края сосредоточена преимущественно въ рукахъ сартовъ. Сарты — плотники, столяры, кузнецы, красильщики, шорники. На базарахъ въ Ташкентѣ и другихъ туркестанскихъ городахъ можно видѣть сѣдла, уздечки, попоны въ азіатскомъ вкусѣ, а также одежду, обувь и дѣтскія игрушки, сдѣланныя руками сартовъ. Ознакомливаясь съ издѣліями европейцевъ, сарты постепенно улучшаютъ свое производство.

Самымъ любимымъ занятіемъ сартовъ служитъ торговля. Для сарта нѣтъ ничего пріятнѣе, какъ сидѣть въ лавочкѣ и отпускать товаръ покупателямъ. Какъ только появились у сарта лишніе деньги, онъ сейчасъ же пускаетъ ихъ въ торговые обороты. Иногда онъ въ долгъ беретъ у купцовъ товаръ и разноситъ или развозитъ его по деревнямъ, промѣнивая на сельскіе продукты, которые продаетъ въ городѣ, получая нѣсколько копеекъ барыша. Изъ копеекъ онъ составляетъ рубли, изъ рублей—десятки, сотни, и затѣмъ обзаводится лавочкой, въ которой готовъ сидѣть по цѣлымъ днямъ. Въ торговлѣ сарты изворотливы и находчивы. Нерѣдко въ одинъ годъ сартъ-торговецъ сдѣлаетъ нѣсколько оборотовъ своему капиталу, ибо гоняется не столько за большими процентами, сколько за быстрой продажей товара.

Пока сартъ не пріобрѣлъ обезпеченнаго состоянія или не обзавелся лавочкой, онъ дѣятеленъ, подвиженъ, предприимчивъ. Но чуть только онъ почувствовалъ себя обезпеченнымъ, онъ становится лѣнвымъ, малоподвижнымъ. Онъ или неподвижно сидитъ въ своей лавкѣ и безучастно смотритъ на окружающее, или безцѣльно ходитъ по базару, выслушивая всякаго рода новости, или же проводить время въ игорномъ домѣ за азартной игрой. Нужно замѣтить, что сарты охотно отдаются азартнымъ играмъ; они играютъ въ карты, кости, четъ и нечетъ и друг. Не только въ игорныхъ домахъ, но также иногда и среди улицы можно видѣть сартовъ, играющихъ въ какую-нибудь азартную игру. Нерѣдко можно также видѣть сартовъ, потѣшающихся боемъ перепеловъ, барановъ и даже верблюдовъ. Иногда по цѣлымъ часамъ они внимательно слѣдятъ за ходомъ битвы.

Сарты исповѣдуютъ магометанскую религію суннитскаго толка. Муллы и вообще духовныя лица имѣютъ у нихъ важное значеніе; такое значеніе они пріобрѣтаютъ какъ исполненіемъ религіозныхъ обрядовъ, такъ и обученіемъ дѣтей въ школѣ, куда каждый сартъ обязанъ посылать своихъ сыновей, для изученія религіи, чтенія и письма. Самая дѣятельность духовныхъ лицъ у сартовъ признается почетной и прибыльной, а потому понятно, отчего многіе стремятся сдѣлаться муллою. Сыновья духовныхъ лицъ обыкновенно занимаются профессіей своихъ отцовъ; сыновья свѣтскихъ лицъ, т.-е. купцовъ, ремесленниковъ и т. п., охотно занимаютъ духовныя должности, если только окончаніемъ своего образованія въ высшей школѣ (медресе) получаютъ на то право.

Въ характерѣ сартовъ замѣчается скрытность и подозрительность. Эти качества у нихъ доходятъ до того, что если русскій, напр., попроситъ сарта разсказать что-нибудь изъ своихъ народныхъ преданій, то онъ станетъ божиться, что ничего не знаетъ и даже незнакомъ съ человѣкомъ, который могъ бы разсказать просимое; но если этотъ же русскій попотчуетъ сарта и войдетъ въ довѣріе къ нему, то онъ разскажетъ не только просимое, но и много посторонняго. Кромѣ того, онъ станетъ часто посѣщать его и даже приводить къ нему своихъ родственниковъ и знакомыхъ, рекомендуя ихъ съ самой хорошей стороны.

Къ начальствующимъ и вообще вліятельнымъ и богатымъ лицамъ сарты относятся обыкновенно услужливо и льстиво. При всякомъ удобномъ случаѣ они льстятъ вліятельному лицу, выражая свою лесть то прямо, то косвенно, разговаривая о немъ съ кѣмъ-нибудь другимъ. Ведя такой разговоръ, сартъ разсчитываетъ, что его льстивыя рѣчи дойдутъ по назначенію.

Сарты хвастливы. Ни одинъ изъ нихъ не преминетъ случая похвастаться чѣмъ только можетъ: одинъ хвастается богатой или знатной родней, другой—своимъ знакомствомъ съ русскимъ чиновникомъ или вліятельнымъ и богатымъ лицомъ, третій—своимъ богатствомъ или удачно совершенной торговой операціей, четвертый—своимъ новымъ костюмомъ и т. д.

Въ своихъ отношеніяхъ къ лицамъ, съ которыми приходится сталкиваться, сарты хитры, изворотливы и подчасъ лживы. Сартъ не стѣсняется сказать неправду, если увѣренъ, что чрезъ это осуществится какое-нибудь изъ его желаній.

Стремленіе къ наживѣ составляетъ существенную черту сартовъ; въ этомъ отношеніи они не уступаютъ евреямъ.

При всѣхъ изложенныхъ непривлекательныхъ качествахъ, сарты обладаютъ и хорошими качествами, къ числу которыхъ относится ихъ гостепріимство. Если зайдетъ гость, сартъ постарается его угостить чаемъ съ кисмишемъ (такъ называется туркестанскій сушеный виноградъ), фруктами и, въ заключеніе, трубкой.

Если знатное или богатое лицо посѣтитъ сарта, послѣдній постарается всячески выразить ему свое почтеніе; сосѣди, желая выразить ему такое же почтеніе, собираются на дворъ и, находя неприличнымъ войти въ комнату, становятся поодиночкѣ у дверей ея и, сложивши руки на груди или животѣ, кланяются въ поясъ, произнося: „ассаламъ-алей-кумъ“. На это привѣтствіе гость дѣлаетъ чуть замѣтный кивокъ головою и отвѣчаетъ: „алей-кумъ-ассаламъ“. Получивъ отвѣтъ, сартъ, не разгибаясь, пятится назадъ и входитъ въ толпу.

Любимымъ мѣстомъ препровожденія свободного времени у сартовъ служитъ базарная площадь. Здѣсь сообщаются и распространяются всякія новости... Базарная молва, какъ источникъ новостей, называется у нихъ характернымъ именемъ „узунъ-кулакъ“, т.-е. длинное ухо.

Въ праздничные дни знакомые сарты посѣщаютъ другъ друга и по очереди устраиваютъ вечеринки. Будучи вообще степеннымъ и даже надменнымъ, гдѣ это требуется этикетомъ, сартъ среди близкихъ знакомыхъ, которыхъ не приходится стѣсняться, охотно шутить, острить и проявляетъ живую веселость.

Сарты не могутъ быть названы храбрыми; изъ трусости они боятся войны и смотрятъ на нее, какъ на зло. Они сами о себѣ говорятъ: „мы не любимъ войны, ибо имѣемъ дома, землю, лавки; мы работаемъ и можемъ быть сыты своими трудами: война разорветъ насъ“.

Изъ бытовыхъ обрядовъ сартовъ обращаютъ на себя вниманіе обряды при бракѣ и похоронахъ.

Сарты женятся рано. Въ выборѣ невесты принимаютъ участіе родители. Выборъ личный возможенъ, но просить руки невесты женихъ долженъ чрезъ родителей. Въ сватовствѣ нерѣдко принимаютъ участіе муллы.

Сговорившись о калымѣ и приданомъ, назначаютъ день свадьбы. Обрядъ брака совершается въ домѣ невесты, въ присутствіи брачующихся и родственниковъ.

ковъ—мужчинъ. Мулла спрашиваетъ жениха: согласенъ ли онъ поступать и жить съ женою хорошо? Получивъ утвердительный отвѣтъ, онъ объявляетъ о количествѣ калыма и приданого, читаетъ молитву и даетъ жениху и невѣстѣ съѣсть кусочекъ хлѣба, намоченнаго въ молокъ или водѣ съ солью. Актъ бракосочетанія тѣмъ оканчивается. Гости, бывшіе въ другой комнатѣ, выходятъ, и начинается угощеніе. Приличіе требуетъ, чтобы гости не сидѣли долго. На другой день послѣ свадьбы бываетъ угощеніе у родителей жениха, а на третій — у родителей невѣсты. На третій же день вечеромъ молодая съ нѣсколькими пожилыми женщинами идетъ въ гости къ своему свекру, а мужъ въ то же время идетъ къ своему тестю. Подошедши къ дому свекра, молодая или одна изъ провожавшихъ ее женщинъ говоритъ: „поклонъ Богу“. Изъ дома ей отвѣчаетъ свекоръ: „Богъ поможетъ“. Снова молодая или провожающая ее женщина говоритъ: „поклонъ пророку“, — на что получаетъ отвѣтъ: „и онъ поможетъ“. Такимъ образомъ выражаютъ поклоны свекру, свекрови, родственникамъ и т. д. Послѣ отданія всѣхъ поклоновъ, пришедшіе садятся у порога. Молодой даютъ чай безъ молока. Она проситъ молока. Ей отвѣчаютъ, что корова еще пасется въ степи и, когда придетъ, ее пригонятъ къ ней. Съ того момента отецъ, мать, родственники мужа начинаютъ дарить молодой подарки. Мужъ въ то же время получаетъ подарки отъ родителей и родственниковъ невѣсты.

Послѣ смерти сарта, трупъ его обвертываютъ бѣлою матеріей, а голову повязываютъ чалмой. Трупъ выносятъ изъ дома въ закрытыхъ сверху и съ боковъ носилкахъ и несутъ въ мечеть, гдѣ происходитъ отпѣваніе, послѣ котораго несутъ его на кладбище.

Могилу копаютъ въ ростъ человѣка; на днѣ ея въ горизонтальномъ направленіи дѣлаютъ нишу, въ которую вдвигаютъ тѣло покойника, головою къ сѣверу, а лицомъ къ западу, т. е. въ сторону Мекки. Положивши въ нишѣ трупъ, отверстіе закладываютъ кирпичомъ, а могилу засыпаютъ землею. На похоронахъ бываютъ только мужчины. Поминки по покойникѣ справляютъ на третій, седьмой и сороковой день и по истеченіи года со дня смерти. На поминкахъ мулла читаетъ молитву надъ могилой покойника, и затѣмъ идетъ угощеніе родственниковъ и знакомыхъ. Трауръ по покойникѣ не носятъ.

Въ заключеніе изложенія о сартахъ приведемъ описаніе препровожденія праздничнаго дня богатымъ сартомъ.

„Утромъ, около семи часовъ, сартъ начинаетъ одѣваться. Онъ сурмитъ брови, подводитъ глаза и одевается въ свой новый костюмъ. Жена или сестра помогаетъ ему одѣваться, прикрашиваться. Халатъ и поясъ не такъ сильно занимаютъ его, какъ чалма. Онъ повязываетъ ее передъ зеркаломъ, перемѣняетъ повязку нѣсколько разъ, совѣтуется съ женой или сестрой, къ лицу ли ему такая-то повязка чалмы, и только убѣдившись, что она повязана совершенно къ лицу, выходитъ изъ дома. По улицамъ онъ идетъ закинувъ голову кверху, при чемъ сильно размахиваетъ руками, но шаги дѣлаетъ маленькіе и идетъ медленно, что дѣлаетъ походку его неестественной и смѣшной. Встрѣчая знакомыхъ, хуже его одѣтыхъ, онъ не узнастъ ихъ и проходитъ мимо. Дороги онъ никому не уступаетъ, почему то и дѣло становится съ проходящими. Выйдя на площадь, онъ напускаетъ на себя еще больше спеси. Зашедши къ знакомому купцу въ лавку, онъ садится въ ней и посылаетъ за чаемъ въ чайную. Чай принесенъ. Сартъ пьетъ его, презрительно поглядывая

на проходящихъ. Халатъ у него полуспущенъ съ плечъ, видна бѣлая рубашка. /1
Время отъ времени онъ снимаетъ чалму, потряхиваетъ тюбетейкой надъ головой и
опахивается рубашкой, какъ вѣромъ: это все дѣлается для того чтобы показать
проходящимъ, что онъ не въ мѣру выпилъ чаю и чувствуетъ необыкновенную жару.
Проходящіе разсматриваютъ новый нарядъ сарта, любуются имъ, — чего только онъ
и добивался. Посидѣвъ въ одной лавкѣ, сартъ переходитъ въ другую, гдѣ повто-
ряется то же самое. Подъ вечеръ, выпивши не одну дюжину чашекъ чая, вдоволь
натѣшивъ свое чванство и показавъ себя всѣмъ, сартъ идетъ домой. Дома, вертась
въ своемъ нарядѣ передъ женой или сестрой, онъ, съ мелочною подробностью и съ
прибавленіемъ противъ дѣйствительности, рассказываетъ имъ: какъ онъ шелъ по
улицѣ, по площади, сидѣлъ въ лавкѣ, сколько выпилъ чаю съ сахаромъ (хотя, мо-
жетъ быть, пилъ и безъ сахара), какъ прохожіе удивлялись ему, костюму его и
важному виду, какъ онъ извѣстному лицу, за то, что тотъ не далъ ему дороги, на-
говорилъ дерзостей и заставилъ при всѣхъ его извиниться передъ собой и проч.
Жена только успѣваетъ дѣлать возгласы: „хапръ! хапръ!“ и временами прибавляетъ:
„да я всегда была увѣрена, что ты знаешь, какъ себя держать; ты не похожъ на
своихъ сосѣдей“, — а выслушавъ все отъ мужа, спѣшитъ къ сосѣдкѣ, чтобы съ
прикрасами передать ей замѣчательныя похождения его.“

ТАДЖИКИ.

Таджики своимъ бытомъ и образомъ жизни сходны съ сартами, такъ что Вам-бери считаетъ тѣхъ и другихъ за одно и то же племя, утверждая, будто слово „сартъ“ есть турецкое названіе таджика.

Таджики родственны персамъ; языкъ ихъ — нарѣчіе персидскаго языка. Они имѣютъ высокій лобъ, выразительные глаза, осяненные черными рѣсницами, тонкій прямой или горбатый носъ, густые темнорусые волосы и густую бороду.

Живутъ таджики въ селеніяхъ и городахъ; въ нихъ въ меньшей мѣрѣ, чѣмъ у сартовъ, замѣчается стремленіе къ городской жизни. Занимаются они земледѣліемъ, скотоводствомъ, ремеслами и торговлей; послѣдней, впрочемъ, они занимаются съ меньшей охотой, чѣмъ сарты.

Таджики исповѣдуютъ магометанскую религію шіитскаго толка, чѣмъ они, между прочимъ, отличаются отъ сартовъ, послѣдователей суннитскаго толка. Нужно замѣтить, что у таджиковъ сохранились еще слѣды почитанія огня и солнца. Нѣкоторые изъ нихъ справляютъ даже праздникъ въ честь огня или солнца; на этомъ праздникѣ они зажигаютъ костры, служащіе для очищенія и излѣченія тѣхъ, кто перепрыгнетъ чрезъ нихъ. Если больной слишкомъ слабъ, такъ что не въ состояніи перепрыгнуть чрезъ костеръ, то его водятъ вокругъ него или предлагаютъ ему пристально смотрѣть на пламя въ то время, когда надъ послѣднимъ произносятъ заклинаніе. Изъ уваженія къ огню, таджикъ не задуетъ горящую свѣчку, а движеніемъ руки погаситъ ее.

Начальное образованіе у таджиковъ настолько же распространено, какъ и у сартовъ. Значительная часть магометанскаго духовенства въ Туркестанскомъ краѣ — таджики.

Бытовые обряды таджиковъ мало чѣмъ отличаются отъ обрядовъ сартовъ; только обряды при бракѣ у нихъ представляютъ нѣкоторыя особенности, а потому и скажемъ объ этихъ обрядахъ.

Женихъ, желающій вступить въ бракъ, посылаетъ въ кишлакъ невѣсты сватовъ, которые условливаются относительно калыма. Затѣмъ ѣдетъ въ кишлакъ и самъ женихъ въ сопровожденіи родственниковъ и друзей. Недоѣзжая нѣсколькихъ саженой до мѣстожительства невѣсты, онъ слѣзаетъ съ лошади и дожидается встрѣчи; всѣ же, сопровождающіе его, ѣдутъ къ невѣстѣ. Женщины и дѣвушки выходятъ навстрѣчу жениху и несутъ съ собою угощеніе. При встрѣчѣ всѣ другъ другу кланяются. Послѣ поклоновъ, женщины угощаютъ жениха и получаютъ отъ него подарки. Приблизившись къ саклѣ отца невѣсты, женихъ у самаго порога видитъ палку или веревку, переступить чрезъ которую, не уплативши за пропускъ, считается неприличнымъ. Онъ одариваетъ родственниковъ и подругъ невѣсты и, получивъ такимъ

образомъ пропускъ, приближается къ невѣстѣ. Начинается пирушка. Затѣмъ является приглашенный мулла. Посреди сакли разводятъ огонь и вокругъ него раскладываютъ платки, куски матеріи и другіе предметы. Отецъ невѣсты беретъ чашку съ водою и, опустивъ въ нее двѣ серебряныя монеты, держитъ ее до тѣхъ поръ, пока мулла не окончитъ чтенія молитвы. Затѣмъ чашку передаетъ муллѣ, который, глотнувъ изъ нея воды, передаетъ всѣмъ присутствующимъ. Всѣ отхлебываютъ воды. Этимъ обрядъ вѣнчанія кончается. Послѣ вѣнчанія слѣдуютъ угощеніе и игры. Между прочими играми видное мѣсто занимаетъ джигитовка, при чемъ молодой и другіе парни догоняютъ молодую, скачущую во весь духъ на отличномъ бѣгунцѣ.

УЗБЕКИ.

Узбеки разбросаны на пространствѣ отъ Хивы и Бухары до Каспійскаго моря и Аральскаго озера; преимущественно же они живутъ по Сыръ-Дарьѣ, въ Ходжентскомъ уѣздѣ. Бѣольшая часть ихъ ведетъ осѣдлый образъ жизни и живетъ рядомъ съ таджиками и сартами въ кишлакахъ и городахъ; мѣньшая же часть ихъ ведетъ еще полукочевой образъ жизни, т.-е. хотя и имѣть сакли и даже пашни, однако въ извѣстное время года перекочевываетъ со своими баранами и верблюдами съ мѣста на мѣсто.

Названіе свое узбеки производятъ отъ двухъ словъ: *узи* и *бекъ* — самъ себѣ бекъ, самъ себѣ господинъ.

Узбеки произошли отъ смѣшенія тюркскихъ, монгольскихъ и иранскихъ народовъ центральной Азіи. Они имѣютъ коричневый цвѣтъ лица, широкій, приплюснутый носъ, продолговатые глаза, скошенный лобъ и жидкую бороду. Они большею частью высокаго роста, пропорціонально сложены и мускулисты. Говорятъ они тюркскимъ языкомъ.

Всѣхъ узбековъ насчитывается до 350 тысячъ человѣкъ; они хотя и живутъ рядомъ съ таджиками и сартами, однако мало сближаются съ ними и уклоняются отъ вступленія съ ними въ бракъ.

Религію узбеки исповѣдуютъ магометанскую; они фанатики, и фанатизмъ ихъ поддерживается проповѣдями хаджей и муллъ. Образование между узбеками весьма слабо распространено; очень немногіе изъ нихъ умѣютъ читать и писать.

Узбеки, по наблюденію путешественниковъ, имѣютъ и хорошія, и дурныя черты въ своемъ характерѣ. Они честны, искренни, но вмѣстѣ съ тѣмъ жестоки и мстительны.

Съ древнихъ временъ узбеки раздѣляются на племена и роды, изъ которыхъ болѣе извѣстны кипчаки, джузы, карабчи, кырки и др. Узбеки, относящіеся къ знатному роду, гордятся своимъ происхожденіемъ, стараются сохранить родовые обычаи и преданія и съ нѣкоторымъ пренебреженіемъ относятся къ менѣе знатнымъ родамъ. Узбекъ знатнаго рода рѣдко рѣшится выдать свою дочь за жениха низшаго рода. Точно также и женихъ изъ знатнаго рода постарается найти себѣ невѣсту изъ такого же рода. При заключеніи брака у нихъ немаловажную роль играетъ и величина калыма, который, впрочемъ, не составляетъ необходимой принадлежности брака. Неимущіе обыкновенно не уплачиваютъ калыма. Случается, что лица, находящіеся между собою въ дружественныхъ отношеніяхъ, соглашаются безъ уплаты калыма сочетать бракомъ своихъ дѣтей, когда они придутъ въ надлежащій возрастъ. Женихъ въ такомъ случаѣ имѣетъ право отказаться отъ предназначенной ему еще въ дѣтствѣ невѣсты.

При свадьбѣ соблюдаются слѣдующіе обряды. Женихъ посылаетъ въ семейство своей невѣсты сватовъ. Получивъ согласіе родителей невѣсты, онъ, по обычаю, не долженъ видѣться ни съ отцомъ невѣсты, ни съ матерью ея и даже долженъ избѣгать встрѣчи съ ними; если же нечаянно встрѣтится съ ними, то обязанъ, чтобы не нарушить приличія, закрыться халатомъ и отворотиться, т.-е. сдѣлать то же, что дѣлаютъ женщины-мусульманки при встрѣчѣ съ мужчинами.

Женихъ и его родители одариваютъ невѣсту и ея родныхъ. Для подарковъ служить все, что можетъ пригодиться невѣстѣ или ея роднымъ, именно: платки, гребенки, ленты, матеріи, лакомство и съѣстные припасы—мясо, сало, рисъ, хлѣбъ и т. п. Стоимость всѣхъ подарковъ тщательно запоминается обѣими сторонами, дабы, если бракъ не состоится, дарившіе имѣли возможность потребовать обратно свои подарки.

День совершенія брака, или „ломанія лепешки“, какъ выражаются узбеки, назначается родителями жениха и невѣсты. Бракъ совершается въ саклѣ отца невѣсты. Сначала перечисляются подарки, данные невѣстѣ, и калымъ, уплаченный за нее, затѣмъ мулла прочитываетъ надъ чашкой съ водой молитву. При чтеніи молитвы присутствуютъ женихъ, родители брачующихся и старики; невѣсты не бываетъ; вмѣсто нея присутствуетъ ея повѣренный. Послѣ молитвы начинается пированіе, при чемъ гости и родные ѣдятъ, поютъ, пляшутъ. Мужчины пируютъ отдѣльно отъ женщинъ. Послѣ угощенія женихъ и его друзья идутъ въ саклю, гдѣ угощаются невѣста, ея подруги и родственницы. Навстрѣчу имъ выходятъ женщины. Послѣднія стараются отбить жениха. Когда имъ удастся овладѣть женихомъ, одна изъ нихъ беретъ его голову себѣ подъ мышку и тащитъ его къ молодой. Прочія женщины сопровождаютъ ихъ, а мужчины, лишившись молодого, уходятъ въ свою саклю, гдѣ продолжаютъ пировать. Молодой угощаетъ женщинъ лакомствами, а тѣ развлекаютъ его веселымъ разговоромъ и шутками.

На второй или третій день послѣ заключенія брака молодая переселяется въ саклю мужа, при чемъ ее сопровождаютъ ея подруги. Случается, что мужъ, не имѣя возможности обзавестись своимъ хозяйствомъ, остается въ саклѣ родителей жены до тѣхъ поръ, пока не приобрететъ такого состоянія, которое дало бы ему возможность жить своимъ хозяйствомъ.

Узбеки, какъ магометане, могутъ имѣть болѣе одной жены. Если узбекъ имѣетъ нѣсколько женъ, то держитъ ихъ обыкновенно въ особыхъ помѣщеніяхъ; въ противномъ случаѣ между ними пронесходили бы постоянныя ссоры и драки.

Воспитаніе дѣтей не требуетъ особенныхъ заботъ или хлопотъ отъ родителей. Дѣти растутъ на свободѣ и сами собою, наблюдая за жизнью и дѣятельностью взрослыхъ, научаются тому, что нужно знать каждому узбеку.

Въ сынѣ или дочери цѣнятся не столько красота, умъ, находчивость, сколько физическая сила, необходимая для выполненія работъ. Когда сынъ настолько укрѣпится, что можетъ быть помощникомъ отцу, на него начинаютъ обращать вниманіе, какъ на рабочую силу. Смотри на ребенка, какъ на будущаго помощника въ работѣ, отецъ, естественно, бываетъ болѣе доволенъ рожденіемъ сына, чѣмъ дочери.

Женатые сыновья обыкновенно отдѣляются отъ отца и составляютъ особые семейства; но случается въ нѣкоторыхъ родахъ, что всѣ сыновья съ ихъ женами остаются при отцѣ, ведутъ общее хозяйство и питаются изъ общаго котла.

Занятія узбековъ обусловливаются мѣстожительствомъ и образомъ ихъ жизни. Осѣдлые узбеки, живущіе въ кишлакахъ, занимаются земледѣліемъ и вообще сельскимъ хозяйствомъ; живущіе въ городахъ нанимаются въ услуженіе къ сартамъ или принимаются за ремесла. Кочевые узбеки занимаются скотоводствомъ.

Нужно замѣтить, что у узбековъ, какъ и у другихъ народовъ, находящихся на низшей ступени цивилизаціи, большая часть работъ по домашнему хозяйству взвалена на женщинъ: онѣ собираютъ топливо, прядуть нитки, заготавливаютъ одежду для всей семьи, выдѣлываютъ овчину и т. п. Даже полевые работы въ значительной мѣрѣ исполняются ими: онѣ не только жнутъ или свозятъ снопы съ поля, но также иногда пахутъ и обрабатываютъ сады. Забота о прокормленіи семьи лежитъ тоже болѣе на женѣ, чѣмъ на мужѣ. Нерѣдко узбечка несетъ на базаръ какое-нибудь свое издѣліе и на вырученные отъ продажи деньги покупаетъ хлѣбъ или мясо для семьи.

Узбеки отличные наѣзники и любятъ лошадей. Не менѣе того они любятъ и даже почитаютъ собакъ. „Если вы, говоритъ Гельвальдъ, спросите узбека: не продастъ ли онъ свою жену? то это нисколько не оскорбитъ его; но вы нанесете ему кровавую обиду вопросомъ: не продастъ ли онъ свою собаку? Выраженіе: „торгующій собаками“ служить самымъ браннымъ у узбековъ.“

Увеселенія узбековъ состоятъ въ конскихъ скачкахъ, борбѣ и другихъ состязаніяхъ. Побѣдитель на этихъ состязаніяхъ получаетъ награду. Нечужды имъ поэзія и музыка. Они имѣютъ своихъ рассказчиковъ и пѣвцовъ. Музыкальными инструментами у нихъ служатъ *дютара* (двухструнная гитара) и *кобоза* (лютня). Игрой на этихъ инструментахъ они сопровождаютъ свои пѣсни и пляски.

V.

ТУРКМЕНЫ.

Туркмены живутъ между Каспійскимъ моремъ и рѣкою Аму-Дарьей. Пространство это только по берегамъ рѣкъ (Атреку, Мургабу, Аму-Дарьѣ и друг.) представляетъ удобства для осѣдлой жизни и занятія земледѣліемъ; остальные же мѣста неудобны для осѣдлой жизни и земледѣлія: они состоятъ изъ степей, большею частью песчаныхъ, и солончаковъ, лишенныхъ прѣсной воды. Туркмены до такой степени свыклись съ своею степью, что испытываютъ чувство стѣсненія среди лѣса или горъ, лишающихъ ихъ возможности свободно скакать на своихъ быстрыхъ коняхъ и ози-
рять безпредѣльную ширь.

Туркмены—турско-татарскаго происхожденія, что показываетъ уже и самое ихъ названіе. Названіе Туркмены или Тюркмены состоитъ изъ собственнаго имени „Тюрк“ и суффикса „менъ“.

Туркмены, благодаря своей изолированности отъ другихъ народовъ, въ большой степени сохранили языкъ и наружный видъ того племени, отъ котораго происходятъ. Только тѣ изъ туркменовъ, которые живутъ по сосѣдству съ персами, смѣшались съ послѣдними и потеряли свои племенные черты.

Туркмены имѣютъ косолежашіе блестящіе глаза, рѣзко очерченный носъ, мало выдавшіяся скулы, черную, рѣдкую бороду и коротко остриженные черные волосы. Цвѣтъ лица ихъ желтовато-бурый. Видъ и осанка ихъ выражаютъ смѣлость и сознаніе своей силы. Туркменки не уступаютъ туркменамъ въ красотѣ и стройности.

Одеждой туркменовъ служитъ цвѣтной халатъ; голову они покрываютъ мохнатой бараньей шапкой, которая нерѣдко во время сна служитъ подушкой. На ногахъ—ичиги или сапоги. Одежда женщинъ похожа на мужскую, съ тою только разницею, что голову онѣ покрываютъ не шапкой, а шалью. Если женщина хочетъ принарядиться, она опоясывается большою шалью, концы которой спускаются внизъ; на плечи надѣваетъ кофту, въ косу вплетаетъ ленту, ноги обуваетъ въ желтые или красные сапоги. Кромѣ того, она украшаетъ себя серьгами, кольцами и побрякушками, которыя при движеніи издаютъ звукъ, очень нравящійся туркменамъ. Туркменскія женщины не прячутъ своего лица подъ покрывало, какъ другія магометанки. „Куда намъ, бѣднымъ жителямъ степей,—говорятъ онѣ,—сообразоваться съ городскими обычаями“.

Туркмены раздѣляются на нѣсколько племенъ (хальковъ), каковы, напр., племена: Текке, Юмуды, Эрзари, Солори, Сарыки и друг. Племена раздѣляются на роды, а послѣдніе—на семьи. Между членами одного и того же племени или рода всегда замѣчалась тѣсная связь: за обиду, нанесенную одному члену рода или племени, обыкновенно мстилъ весь родъ.

Всѣхъ туркменовъ насчитываютъ до милліона человекъ. Наибольшая часть ихъ живетъ въ юго-западной части Туранской низменности, на треугольникѣ, вершинами котораго служатъ на сѣверѣ заливъ Кара-Бугазъ, на востокъ — верховье рѣки Атрека и на западѣ — устье рѣки Гюргеня, впадающей въ Каспійское море.

Значительная часть туркменовъ, именно тѣ, которые поселились на удобныхъ для осѣдлой жизни земляхъ, перешли уже къ осѣдлому образу жизни; остальные же, именно всѣ тѣ, которые живутъ въ степяхъ, неудобныхъ для земледѣлія, ведутъ еще кочевой или полукочевой образъ жизни.

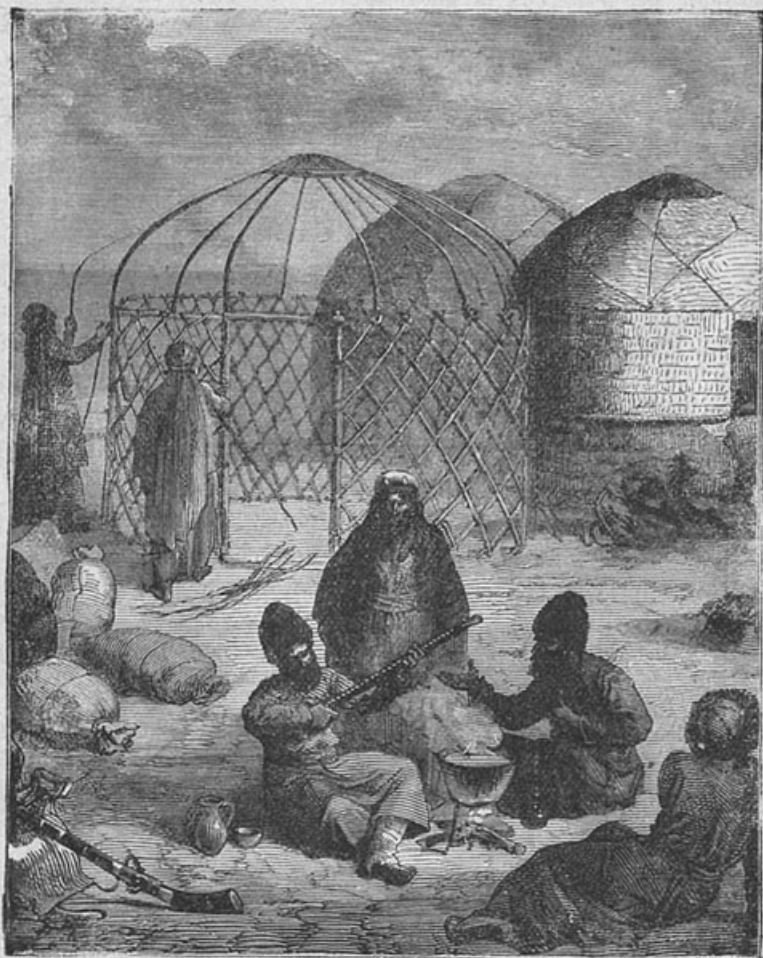

Жилищемъ для туркменовъ служить войлочная палатка или юрта. Палатки зажиточныхъ туркменовъ бываютъ устланы коврами; но вообще онѣ рѣдко бываютъ чисты и опрятны. Нѣкоторые туркмены имѣютъ запасную палатку для пріема гостей; она обыкновенно бываетъ обтянута болѣе цѣнной бѣлой или цвѣтной кошмой и содержится чище. Осѣдлые туркмены обзаводятся глиняными сакями или деревянными хижинами.

Туркмены исповѣдуютъ магометанскую религію суннитскаго толка. Муллы пользуются у нихъ почетомъ. Къ кому бы ни пришелъ мулла, онъ желанный гость. Умные муллы, обладающіе краснорѣчіемъ, нерѣдко пріобрѣтаютъ въ народѣ особенное вліяніе. Ихъ называютъ „ишанами“, т.-е. избранными и излюбленными Богомъ людьми, которымъ все удается.

Нѣкоторые муллы обучаютъ дѣтей религіи и чтенію въ открытыхъ ими школахъ. Мулла пишетъ на грифельной доскѣ урокъ и заставляетъ ученика выучить его. Когда урокъ выученъ, мулла выслушиваетъ его, пишетъ дальше и снова приказываетъ ученику выучить написанное. Дѣти учатся въ школѣ обыкновенно до 10—12-лѣтняго возраста, а затѣмъ становятся помощниками отцу или матери.

Силой, опредѣляющей поведеніе туркменовъ, отношенія ихъ между собою и къ иноплеменникамъ, служить не столько требованіе корана или ихъ правителей, сколько обычай (адатъ). Ни одинъ туркменъ не рѣшится нарушить требованіе обычая. Нарушеніе его влечетъ за собою негодованіе и даже презрѣніе сородичей. Такимъ образомъ обычай имѣетъ у нихъ силу закона и ограничиваетъ произволъ ихъ.

Однимъ изъ такихъ обычаевъ служитъ обычай гостепріимства. Кто бы ни былъ гость, но пока онъ въ палаткѣ туркмена, онъ въ безопасности. Хозяинъ не только накормитъ его и дастъ ему мѣсто для отдыха, но и защититъ его отъ обидъ со стороны другихъ лицъ. За обиду, нанесенную гостю, хозяинъ мститъ, какъ за обиду, нанесенную члену семьи.

Мсть въ прежнее время признавалась священнымъ долгомъ. За убійство обычай требовалъ смерти убійцы; за незначительное поврежденіе члена виновный подвергался такому же поврежденію. Если мстящій соглашался, онъ могъ получить за обиду выкупъ. За убійство полагался выкупъ въ тысячу тиллъ, или 2500 руб., за повреж-

дене руки или ноги взыскивалось 500 талл. Если виновный скрылся, между тѣмъ всѣ улики въ его преступленіи были налицо, истецъ обращался съ жалобой къ старшинамъ, по опредѣленію которыхъ родственники виновнаго вознаграждали истца; если же онъ не успѣлъ скрыться, обиженный, не прибѣгая къ суду, самъ старался отомстить ему, причинивши соотвѣтственное зло.

Въ настоящее время, подъ вліяніемъ русскихъ, обычай мести значительно ослабѣлъ; но все-таки онъ еще иногда проявляется.

Въ прежнее время разбои, грабежи и нападенія на сосѣдей не только не считались у туркменовъ преступленіями, но, напротивъ, признавались доблестными подвигами; отсюда происходило, что они постоянно вели борьбу то съ сосѣдями, то между собою. Завидѣвъ гдѣ-нибудь купеческій караванъ, или чужихъ верблюдовъ и лошадей, туркмены дѣлали засаду, чтобы овладѣть тѣмъ или другимъ. На напавшихъ возставалъ сосѣдній аулъ, къ нему присоединялся родъ, и такимъ образомъ шла безконечная вражда между родами и племенами. Если же не было вражды между родами, то они нападали на сосѣднія государства, грабили и уводили людей въ плѣнъ. Плѣнныхъ они продавали въ рабство бухарцамъ или хивинцамъ, или же держали у себя, принуждая къ тяжелой работѣ и поджидая, пока родственники не выкупятъ ихъ.

Въ настоящее время, когда большая часть туркменовъ вошла въ составъ Русскаго государства, для нихъ прекращена возможность безнаказанно грабить и нападать на сосѣдей и продавать плѣнныхъ въ рабство.

Постоянныя войны сдѣлали туркменовъ храбрыми и отважными: въ храбрости и отвагѣ съ ними не можетъ сравниться ни одинъ среднеазіатскій народъ.

Отличаясь жестокостью и вѣроломствомъ на войнѣ, туркмены проявляютъ честность по отношенію къ своимъ близкимъ въ мирное время. У нихъ, напр., не заимодавецъ, а должникъ хранить у себя расписку въ полученіи занятой суммы, для того, чтобы помнить, какую сумму онъ долженъ возратить заимодавцу.

Народная поэзія—эта выразительница народныхъ идеаловъ и стремленій—довольно богата у туркменовъ. По вечерамъ, особенно въ зимнее время, они любятъ слушать рассказы о быломъ. Иногда въ группѣ туркменовъ можно видѣть пѣвца, который подъ аккомпаниментъ дутары (двухструннаго инструмента) поетъ пѣсни. Въ пѣсняхъ этихъ большею частью рассказывается о военныхъ подвигахъ и набѣгахъ храбрыхъ предковъ. Понятно, что эти пѣсни воодушевляють молодыхъ туркменовъ и возбуждаютъ въ нихъ желаніе прославиться такими же подвигами.

Грамотность между туркменами мало распространена: не многіе изъ нихъ умѣютъ читать коранъ; но они и не заботятся о томъ, чтобы научить своихъ дѣтей грамотѣ. Главная ихъ забота при воспитаніи дѣтей сводится къ тому, чтобы сдѣлать ихъ храбрыми, сильными членами рода, умѣющими управлять конемъ и исполнять ту работу, которая кормитъ семью.

Занятіе осѣдлыхъ туркменовъ состоитъ въ земледѣліи; прибрежные занимаются рыболовствомъ и добываніемъ соли, а нѣкоторые изъ нихъ—торговлей. Женщины готовятъ пищу, выдѣлываютъ ковры, кошмы и шелковыя издѣлія.

Главное занятіе кочевыхъ туркменовъ состоитъ въ скотоводствѣ, при чемъ они разводять лошадей, верблюдовъ и овецъ. Наиболѣе любимымъ ими животнымъ служитъ лошадь. Туркменская лошадь красива, быстро бѣжитъ и вынослива. Уходъ за нею составляетъ главное занятіе туркмена-кочевника, свалившаго большую часть работъ по хозяйству на женщинъ. Нужно замѣтить, что у туркменовъ, какъ и у

другихъ инородцевъ, стоящихъ на низшей ступени цивилизаціи, почти всѣ домашнія работы выполняются женщинами. По ихъ убѣжденію, мужчины неприлично заниматься какимъ-либо домашнимъ дѣломъ. Если туркменъ не имѣетъ работы внѣ палатки, то, досмотрѣвъ своихъ лошадей, отправляется къ знакомымъ, или присоединяется къ группѣ сородичей, сидящихъ на землѣ передъ палаткою и проводящихъ время въ разговорѣ и слушаніи разсказовъ о старинѣ.

Пищей туркменовъ служить мясо домашнихъ животныхъ (лошадей, верблюдовъ, ословъ и барановъ), рыба и хлѣбъ. Пилавъ служитъ у нихъ лакомымъ блюдомъ. Такимъ же блюдомъ служить шура—родъ супа съ бараньимъ мясомъ, солью и перцемъ. Напиткомъ служить кумысъ, кислое овечье молоко и иногда чай безъ сахара; хмельныхъ напитковъ не употребляютъ, и пьяныхъ между ними нельзя встрѣтить.

Кушанья подаются въ деревянныхъ чашкахъ. Ъдятъ молча, мужчины отдѣльно отъ женщинъ.

Туркмены устраиваютъ по поводу важныхъ въ своей жизни событій игры, на которыхъ главную роль играетъ проявленіе силы и ловкости. Изъ такихъ игръ обращаетъ на себя вниманіе слѣдующая, устраиваемая при бракѣ. Невѣста, сидя на отличномъ бѣгунцѣ, беретъ черезъ сѣдло ягненка или козленка и пускается во весь галопъ; за нею верхомъ гонятся женихъ и его друзья. Она ловкими поворотами избѣгаетъ преслѣдованій и не даетъ ни одному изъ нихъ возможности приблизиться настолько, чтобы схватить ягненка. Нужно, впрочемъ, замѣтить, что эта игра бываетъ и у другихъ среднеазиатскихъ инородцевъ.

По смерти любимого въ семьѣ человека, туркмены правятъ поминки, при чемъ ежедневно въ часъ его смерти члены семьи голосятъ. Имъ иногда вторятъ нанятые плакальщики. Во время плача они продолжаютъ свои обычные занятія, такъ что женщины, напр., ткутъ коверъ, а мужчины чистятъ лошадей, и при этомъ тѣ и другіе голосятъ. На могилѣ знатнаго туркмена набрасываютъ большой холмъ, для чего каждый изъ присутствующихъ при погребеніи обязанъ бросить не менѣе семи горстей или корзинъ земли. Такіе холмы нерѣдко встрѣчаются въ Туркменскихъ степяхъ.

ДУНГАНЕ.

Дунгане въ числѣ около 25 тысячъ человѣкъ вышли изъ Китайскихъ владѣній и поселились въ Семирѣченской, Сыръ-Дарьинской и Ферганской областяхъ. Возлѣ русскихъ городовъ они построили особыя слободы, обыкновенно называемыя „дунганскими городками“. „Городки“ эти состоятъ изъ одноэтажныхъ глиняныхъ сакель съ маленькими окнами, обращенными на дворъ. Крыша сакель большею частью плоская. Между саклями выдѣляется мечеть; она больше сакель и носитъ на себѣ отпечатокъ китайскаго стиля, чѣмъ отличается отъ мечетей прочихъ магометанскихъ народовъ. Улицы „городковъ“ обыкновенно широки и чисты; онѣ немногочисленны и поражаютъ тишиной. Внутри сакель обыкновенно бываетъ чисто и опрятно. Полъ въ нихъ глиняный, по стѣнамъ устраиваются полки и ниши для склада имущества. Сакля обыкновенно раздѣляется на два отдѣленія — общую и женскую.

Внѣшній видъ дунганъ носитъ отпечатокъ монгольскаго типа. Цвѣтъ лица ихъ желтый. Они, подобно китайцамъ, бреютъ голову, оставляя на макушкѣ длинную косу. Если собственная коса коротка, то дунганъ прицѣпляетъ къ ней шелковую косу. Дернуть за косу дунгана значить нанести ему большое оскорбленіе. Тѣлосложеніе дунганъ крѣпче и мускулистѣе, чѣмъ китайцевъ. Ростъ ихъ довольно высокій, осанка величавая, мужественная. Во время работы дунгане большею частью сосредоточены, даже угрюмы; они рѣдко улыбаются, а еще рѣже смѣются.

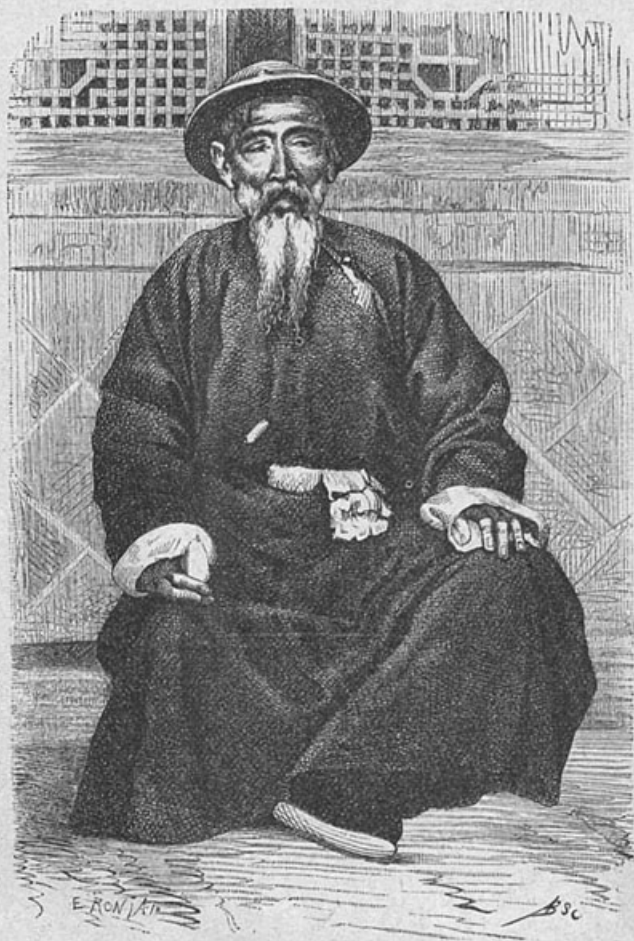
Одежда дунганъ состоитъ изъ короткой куртки безъ рукавовъ, называемой „курмой“, и холщевыхъ шароваръ. Обувью обыкновенно служатъ чулки и туфли. На головѣ носятъ ермолку темнаго цвѣта; ермолка бѣлаго цвѣта означаетъ трауръ. Сверхъ ермолки надѣваютъ, смотря по времени года, войлочную или большую соломенную шляпу. Верхнюю одежду составляетъ халатъ. Одежда женщинъ длиннѣе, чѣмъ мужчинъ; къ тому же женщины любятъ украшать себя кольцами, серьгами и браслетами. Преобладающій цвѣтъ одежды дунганъ — синій. По этому цвѣту одежды, да по длинной косѣ отличаютъ дунганъ отъ другихъ народовъ, встрѣчающихся въ среднеазиатскихъ городахъ.

Дунгане трудолюбивы. Они занимаются хлѣбопашествомъ, при чемъ сѣютъ рисъ, просо, кукурузу и пшеницу. Кромѣ того, они очень успѣшно занимаются огородничествомъ и садоводствомъ. Многіе изъ нихъ занимаются ремеслами и торговлей; они изготовляютъ металлическія издѣлія, шьютъ обувь, дѣлаютъ посуду и вѣера и раскрашиваютъ ихъ причудливыми изображеніями птицъ, животныхъ и другими картинами. Картины дунганъ, какъ и китайцевъ, отличаются яркостью красокъ и отсутствіемъ перспективы. Такими картинами они нерѣдко украшаютъ свои жилища и даже устраиваютъ изъ нихъ панорамы для показыванія за деньги.

Женщины у дунганъ исполняютъ домашнія работы: приготавливаютъ пищу, ухаживаютъ за домашними птицами и животными и смотрятъ за огородами.

Дунгане трудолюбивы; у нихъ всё работаютъ. Если же кто-нибудь изъ нихъ не въ состояніи работать, его прокармливаютъ родственники или знакомые. Отсюда и происходитъ, что въ дунганскихъ „городкахъ“ не замѣчается нищихъ.

131

Дунгане исповѣдуютъ магометанскую религію. Они строго соблюдаютъ постъ и религіозные обряды, но менѣе фанатичны, чѣмъ другіе народы, исповѣдующіе ту же религію. Муллы хотя и пользуются у нихъ почетомъ, но не имѣютъ сильнаго вліянія на ихъ дѣла.

Начальное образованіе у дунганъ, какъ и у китайцевъ, значительно распространено. Почти всё дѣти обучаются въ школахъ подъ руководствомъ муллъ. Мальчики обучаются отдѣльно отъ дѣвочекъ. Кругъ школьныхъ занятій ихъ узокъ. Грамота у нихъ китайская.

Дунгане имѣютъ своихъ докторовъ, которые готовятся къ своей профессіи въ Китаѣ.

Дунгане честны, у нихъ рѣдко случается воровство. Кромѣ того, они тверды и настойчивы. Разъ дунганъ задумалъ что-нибудь сдѣлать, онъ свое намѣреніе доведетъ до исполненія. Далѣе, они выносливы и терпѣливо переносятъ случающіяся физическія страданія.

Кромѣ названныхъ хорошихъ чертъ, въ характерѣ дунганъ замѣчаются и нехорошія черты. Такъ, они мстительны и раздражительны. Если дунганъ въ яростномъ гнѣвѣ вынулъ ножъ, онъ навѣрно пуститъ его въ ходъ. Къ иностранцамъ

дунгане относятся недовѣрчиво и несообщительны съ ними; мало сближаются и съ русскими, хотя съ уваженіемъ относятся къ нимъ. Къ китайцамъ относятся съ враждебною ненавистью. Такая ненависть сложилась исторически, влѣдствіе притѣсненій со стороны китайцевъ, когда дунгане находились въ зависимости отъ нихъ.

Дунгане живутъ большими семьями и неохотно выдѣляютъ дѣтей. Къ старшимъ, особенно къ родителямъ, они относятся съ полнымъ уваженіемъ. За неповиновеніе родительской власти виновный строго наказывается.

Высшее управленіе дунганамі лежить на обязанности русскихъ властей; ближайшее же управленіе ими возложено на выборныхъ старшинъ и судей (казіевъ). 153
Эти послѣдніе налагаютъ наказаніе за неважные проступки, въ которыхъ не замѣшаны русскіе. При наложеніи наказаній они руководствуются обычаемъ. Обычай допускаетъ тѣлесное наказаніе, которое иногда и примѣняется. Примѣняется еще и такое наказаніе: виновнаго, а иногда и цѣлое виновное семейство сажаютъ въ яму, которая имѣетъ въ глубину сажени полторы и сверху покрывается навѣсомъ такъ, что свѣтъ проникаетъ въ нее съ трудомъ. Пищи даютъ заключеннымъ въ умѣренномъ количествѣ. Наказываютъ виновныхъ также и денежнымъ штрафомъ.

Бракъ у дунганъ совершается послѣ уплаты за невѣсту калыма. Мужчины моложе 18, а женщины моложе 15 лѣтъ не вступаютъ въ бракъ. Старость не служитъ препятствіемъ къ вступленію въ бракъ. Близкое родство служитъ препятствіемъ къ браку. Бракъ совершается муллою, который прочитываетъ установленную молитву. Послѣ брака родные одариваютъ новобрачныхъ. Многоженство допускается у дунганъ, такъ что нѣкоторые изъ нихъ имѣютъ по двѣ и даже по три жены.

Покойниковъ дунгане зарываютъ въ землю, при чемъ мулла читаетъ установленныя молитвы. По смерти близкаго родственника полагается трауръ, который продолжается 40 дней. Наружнымъ признакомъ траура служитъ бѣлый халатъ и бѣлая ермолка. Женщины въ знакъ траура носятъ на головѣ что-нибудь бѣлое и подолъ платья обшиваютъ бѣлою тесьмой.

Дунгане любятъ играть въ кости. Кости, употребляющіяся при игрѣ, бываютъ до четверти аршина длины и около дюйма ширины. Одна сторона ихъ бываетъ окрашена въ красный цвѣтъ, а на другой разрисованы условные знаки. Игра въ кости нерѣдко становится азартной.

Пищей дунганъ служатъ плоды, мясо и хлѣбъ. Чаше всего подается лашша и „джусай“, приготовляемый изъ муки, мяса и яицъ. Ъдятъ обыкновенно два раза въ день. Чай пьютъ не менѣе китайцевъ. Отъ водки отказываются, но въ праздникъ иногда пьютъ опьяняющій напитокъ „джюннъ“, приготовляемый изъ проса и подаваемый подогрѣтымъ. Опьянѣвши отъ излишне выпитаго „джюнна“, дунгане поднимаютъ ссору, которая нерѣдко оканчивается дракой. Опиума и табаку дунгане не употребляютъ, хотя нѣкоторые изъ нихъ добываютъ опиумъ, но не для своего употребленія, а для сбыта китайцамъ.

VII.

ТАРАНЧИ.

Таранчи — народъ монгольскаго племени; они, подобно дунганамъ, перешли, въ числѣ 40 тысячъ человекъ, изъ китайскихъ владѣній и поселились въ Семирѣченской области. Цвѣтъ ихъ лица желтый, лицо продолговатое, глаза прямые, узкіе, большею частью черные, уши оттопыренные, носъ длинный, въ большинствѣ случаевъ широкій и приплюснутый въ срединѣ; волосы на головѣ и бровяхъ черные, густые; голову бреютъ, но усы и бороду носятъ; борода большею частью рѣдкая. Женщины носятъ длинные волосы, заплетая ихъ, дѣвушки — въ нѣсколько, а замужнія, не имѣющія дѣтей — въ одну, имѣющія же ихъ — въ двѣ косы.

Тѣлосложеніе ихъ слабѣе, чѣмъ дунганъ; мускулы ихъ вялы. Роста они средняго или ниже средняго; руки ихъ, сравнительно съ вышиною тѣла, длинны, а ноги коротки. Изъ внѣшнихъ чувствъ у нихъ лучше другихъ развиты зрѣніе и слухъ.

Таранчи живутъ въ глиняныхъ сакляхъ, не отличающихся чистотой. Въ стѣнахъ сакли вдѣланы ниши и полки, а посрединѣ — углубленіе для очага; въ немъ зимою постоянно горитъ каменный уголь. Сидятъ и спятъ таранчи большею частью на полу, подкладывая войлоки или сѣнники и круглыя подушки, набитыя шерстью или ватою. При сакляхъ устраиваются сады и огороды; чрезъ дворъ нерѣдко проходитъ канавка (арыкъ) съ проточной водой, служащей для поливки огородовъ и для домашняго употребленія. Вода въ этихъ арыкахъ большею частью бываетъ нечиста.

Одежда таранчинцевъ похожа на одежду дунганъ, т.-е. состоитъ изъ рубашки, шароваръ и халата, а зимою тулупа; на ноги надѣваютъ ичиги, а зимою — теплые сапоги; на голову, сверхъ тюбетейки, надѣваютъ мѣховую шапку. Женщины любятъ наряжаться, при чемъ подкрашиваютъ брови и ногти. Выходя на улицу, нѣкоторыя изъ нихъ закрываютъ лицо бѣлою, легкою тканью.

Таранчи исповѣдуютъ магометанскую религію, суннитскаго толка. Муллы пользуются у нихъ огромнымъ вліяніемъ. Установленный религіей постъ соблюдается строго, при чемъ отъ поста освобождаются только старики, малолѣтніе и больные.

Грамотность у нихъ распространена настолько же, какъ и у дунганъ. Они, подобно послѣднимъ, трудолюбивы, терпѣливы, трезвы и довольно честны. Любятъ они музыку, пѣніе и танцы.

Таранчи занимаются преимущественно земледѣліемъ, при чемъ сѣютъ пшеницу, просо, овесъ и кукурузу; на огородахъ они разводятъ огурцы и другіе овощи; на

бахчахъ разводять дыни и арбузы. По окончаніи полевыхъ работъ они занимаются охотой и торговлей, а нѣкоторые принимаются за ремесла—плотничное, кузнечное и другія. Занимаются также рытьемъ арыковъ и извозомъ. Для перевозки тяжести они употребляютъ арбы, въ которыя впрягаютъ воловъ или лошадей; ѣздятъ также на ишакахъ. Домашнія работы производятся преимущественно женщинами: онѣ прядутъ шерсть, ткутъ ковры, носятъ воду, ухаживаютъ за огородами и т. п.

Преобладающая пища таранчинцевъ — растительная; они питаются лапшой, мучными лепешками, плодами и овощами. Мясо ѣдятъ не болѣе одного раза въ недѣлю. Напиткомъ служить чай съ солью и молокомъ; утромъ пьютъ чай съ пшеничными лепешками, которыя обыкновенно бросаютъ въ чашку съ чаемъ. Пить холодную воду избѣгаютъ, замѣняя ее чаемъ. Табаку они не курятъ, но многіе изъ нихъ его нюхаютъ или кладутъ за щеки.

Бракъ совершается у нихъ при такихъ же обрядахъ, какъ и у сартовъ и дунганъ. Бракъ между близкими родственниками запрещенъ; разводъ совершается очень легко.

Молодая обязана въ продолженіе года послѣ свадьбы ежедневно бывать у своихъ родителей, и первыя роды должны совершиться у нихъ въ саклѣ. При родахъ бываютъ только женщины, которыя оказываютъ рождающей помощь. При тяжелыхъ родахъ кто-либо изъ близкихъ родныхъ взлѣзаетъ на крышу, стучитъ и спрашиваетъ: „принесла ли женщина?“ Снизу отвѣчаютъ: „Богъ далъ“, хотя въ дѣйствительности никто еще не родился; это дѣлается съ цѣлю ободрить рождающую. Иногда при трудныхъ родахъ мулла пишетъ на краю чашки стихъ изъ корана, наливаетъ въ нее чаю и этотъ чай даетъ рождающей. Женщину, умершую во время родовъ, почитаютъ за безгрѣшную. Новорожденного купаютъ въ теплой водѣ, при чемъ въ корытце бросаютъ золотыя и серебряныя украшенія и кольца. Новорожденных не пеленаютъ, а завертываютъ въ тряпки и кладутъ въ узкую колыбель, поверхъ которой обвертываютъ бинтомъ, такъ что ребенокъ не можетъ выпасть.

О рожденіи ребенка чрезъ посланнаго извѣщаютъ родственниковъ и знакомыхъ. Если кто изъ нихъ спроситъ: сынъ или дочь родилась, то посланный отвѣчаетъ: „волкъ“, если родился сынъ, и „лисица“, если родилась дочь. Родственники и знакомые поздравляютъ отца. Поздравленія принимаются только въ первые два дня послѣ рожденія; на третій день мулла даетъ новорожденному имя. Мать кормитъ своего ребенка до трехъ лѣтъ.

Съ семи лѣтъ мальчики и дѣвочки начинаютъ посѣщать школу, въ которой обучаетъ мулла. Приведши сына въ школу, отецъ обыкновенно, подобно тому, какъ и у киргизовъ, говоритъ муллѣ: „кости мои, а мясо твое“, разрѣшая этимъ наказывать мальчика, сколько ему заблагоразсудится, лишь бы не повредилъ его костей. Въ школѣ дѣти обучаются чтенію, письму, счету и молитвамъ; тутъ же мулла ставляетъ ихъ въ правилахъ житейской мудрости и честности.

Отъ дѣтей требуется безусловное повиновеніе старшимъ, особенно родителямъ. Каждый молодой человѣкъ за неповиновеніе старшимъ или родителямъ строго наказывается судьями. Кромѣ того, отецъ, по обычаю, имѣетъ право лишить своего сына, замѣченнаго въ неповиновеніи, участія въ наслѣдствѣ не только благопріобрѣтеннымъ, но и родовымъ имуществомъ.

Послѣ смерти таранчинца, тѣло его обвертываютъ въ три ряда тонкою бѣлою матерією, при чемъ лицо оставляютъ открытымъ. Духовное лицо на крышѣ читаетъ молитву и тѣмъ даетъ знать родственникамъ и знакомымъ, что въ саклѣ покойникъ. Собираются родственники и плачутъ. Хоронятъ безъ гробовъ. Покойника выносятъ въ закрытыхъ сверху и сбоковъ носилкахъ. Въ могилѣ дѣлаютъ нишу, куда кладутъ покойника. Нишу закладываютъ кирпичомъ, а могилу засыпаютъ землею.

На третій, седьмой и сороковой день и чрезъ годъ послѣ смерти совершаются поминки, при чемъ угощаютъ знакомыхъ и родственниковъ; мулла читаетъ на могилѣ молитвы.

По смерти близкихъ родственниковъ носятъ трауръ, при чемъ мужчины не бреютъ головы и носятъ бѣлую ермолку и чалму, а женщины снимаютъ съ себя всѣ украшенія и обшиваютъ верхъ шапочки бѣлой тесьмой.

Къ русскимъ таранчи относятся подобострастно, даже униженно. Нѣкоторые изъ нихъ вступаютъ въ военную службу и несутъ ее безупречно.

- 1) П. ПОЛЕВОЙ. Учебник по Русской Исторіи въ очеркахъ и біографіяхъ съ картами и портретами въ текстѣ, для городскихъ училищъ. Ц. 40 к.
- 2) П. ПОЛЕВОЙ. Учебная Русская Хрестоматія съ толкованіями, въ трехъ частяхъ 1-я часть—50 к., 2-я часть—70 к. и 3-я часть—75 к. б) Методическая Русская Грамматика Ц. 40 коп.
- 3) Прот. ПѢВЦОВЪ: а) Евангельскіе рассказы съ большимъ количествомъ рисунковъ въ текстѣ. Ц. 50 к. б) Священная Исторія Вѣтхаго Завѣта, съ картинами и картами въ текстѣ. Ц. 50 к. и в) Священная Исторія Новаго Завѣта, съ картинами и картами въ текстѣ. Ц. 40 к.
- 4) А. ПАВЛОВЪ. Городская Школа. Книга для класнаго чтенія, съ матеріаломъ для письменныхъ упражненій и съ картинами въ текстѣ, примѣненная къ обученію родному языку въ городскихъ училищахъ, въ двухъ частяхъ: *Часть первая*—Первый годъ обученія. Ц. 30 к. *Часть вторая*—Второй годъ обученія. Ц. 45 к.
- 5) А. ПАВЛОВЪ. Городская школа. Русская хрестоматія, съ матеріаломъ для письменныхъ упражненій, съ картинами въ текстѣ: а) Третій и четвертый годъ обученія. Ц. 75 к. б) Пятый и шестой годъ обученія въ городскихъ училищахъ.
- 6) А. ПАВЛОВЪ. Біографія русскихъ образцовыхъ писателей, съ портретами. Учебное пособие для городскихъ училищъ. Ц. 25 к.
- 7) А. БАРАНОВЪ: а) Наше Родное. Русский и церковно-славянскій букварь и книга для чтенія для народныхъ училищъ съ трехъ годичнымъ курсомъ. *Первый годъ обученія*—Ц. 30 к. *второй годъ*—Ц. 40 к. и *третій годъ*—Ц. 60 к. и б) Книга для чтенія, примѣненная къ обученію родному языку во 2-й и 3-й годъ обученія. Ц. 45 к.
- 8) Н. БУНАКОВЪ: а) Русская и церковно-славянская Азбука. Ц. 25 к. б) «Первинка» первая послѣ «Азбуки» книжка для чтенія. Ц. 15 к. в) Книга для чтенія «Въ школѣ и дома», примѣненная къ обученію родному языку въ народныхъ школахъ. *Первая часть*—курсъ 2-го года обученія. Ц. 40 к. *Вторая часть*—курсъ 3-го года обученія. Ц. 60 к. и г) Грамматическія и орфографическія упражненія въ начальной народной школѣ. Ц. 15 к.
- 9) Н. БУНАКОВЪ: а) Въ Школѣ и дома: часть III. Хрестоматія для городскихъ училищъ. Ц. 75 к. и б) Учебникъ Русской грамматики для городскихъ училищъ. Ц. 40 к.
- 10) А. ГОЛЬДЕНБЕРГЪ. Сборникъ задачъ и примѣровъ для обученія начальной Ариметики, въ двухъ выпускахъ: *Выпускъ I*—Задачи и примѣры на числа первой сотни и на простѣйшія дроби. Ц. 15 к. *Выпускъ II*—Задачи и примѣры на числа любой величины. Ц. 15 к.
- 11) А. ВОРОНОВЪ: а) Руководство практической Ариметики. Ц. 75 к. б) Собраніе арифметическихъ задачъ, въ двухъ частяхъ: *1-я часть* (цѣлыя числа). Ц. 30 к. и *2-я часть* (дроби). Ц. 30 к.
- 12) В. ЕВТУШЕВСКИЙ. Сборникъ арифметическихъ задачъ и численныхъ примѣровъ въ двухъ частяхъ: *Первая часть*—Цѣлыя числа. Ц. 35 к. *Вторая часть*—Дроби. Ц. 40 к.
- 13) А. БАРАНОВЪ. Географія Россійской Имперіи, съ картами и рисунками въ текстѣ Курсъ городскихъ и уѣздныхъ училищъ. Ц. 50 к.
- 14) И. МИХАЙЛОВЪ. Братская Отечественная Географія. Руководство для городскихъ училищъ. Въ текстѣ этой книги помѣщено 33 рисунка, 21 географ. карта, 4 плана важѣйшихъ городовъ и большая карта Европ. Россіи. Ц. 60 к.
- 15) «Картинный Учебный Атласъ». Въ этомъ Атласѣ помѣщено 183 картинки, большая часть которыхъ исполнена лучшими зарѣзками и русскими художниками и граверами: 1) Видъ городовъ, монастырей, деревень и вообще различныхъ жилищъ—21 картинка. 2) Замѣчательныя зданія, памятники, соборы и т. п.—13 картинокъ. 3) Главныя типы народовъ, живущихъ въ Россіи—29 картинокъ. 4) Различныя картинки, служащія для выясненія географическихъ понятій и для характеристики извѣстной мѣстности—52 картинки. 5) Наиболѣе распространенныя въ Россіи животныя—28 картинокъ. и 7) Земледѣльскія орудія и способы обработки земли—3 картинки. Цѣна 2 руб. 50 коп. *Примѣчаніе*: Объясненія къ этому атласу. Ц. 40 коп.
- 16) П. ПЛЕТЕНЕВЪ. Учебникъ Всеобщей Географіи, составленный примѣнительно къ программамъ городскихъ училищъ. Ц. 60 к.
- 17) А. ВОРОНЕЦКИЙ. Учебникъ Всеобщей Географіи, съ картами и картинами въ текстѣ, а) въ трехъ курсахъ: *Курсъ первый*—Общій обзоръ земнаго шара. Ц. 45 к. *Курсъ второй*—Внѣ-европейскія страны. Ц. 45 к. и *Курсъ третій*—Европа. Ц. 40 к. б) Иллюстрированная Учебная Географическая Хрестоматія, въ трехъ частяхъ. *Часть первая*—Общій обзоръ земнаго шара. Ц. 1 р. 35 к. *Часть вторая*—Внѣ-европейскія страны. Ц. 2 р. и *Часть третья*—Европа. Ц. 1 р. 65 к.
- 18) А. ГЕРДЪ. Учебникъ минералогіи для городскихъ училищъ. Ц. 80 к.
- 19) В. ГЕРБАЧЪ. Русскія прописи. Ц. 40 к.
- 20) Прот. Д. СОКОЛОВЪ: а) Начальное наставленіе въ Православной Христіанской вѣрѣ. Ц. 20 к. б) М. литвы, Заповѣди и Символъ вѣры. Ц. 15 к. и в) Ученіе о Богослуженіи Православной Церкви. Ц. 45 коп.
- 21) АӨ. СОКОЛОВЪ. Первые уроки церковно-славянскаго языка. Практическій учебникъ для низшихъ училищъ. Ц. 45 коп.
- 22) И. ГАРЧИНСКИЙ. Краткій очеркъ строенія человѣческаго тѣла и его отправленій съ изложеніемъ главныхъ правилъ для сохраненія здоровья. Руководство для городскихъ училищъ. Ц. 75 коп.

текстѣ. Курсъ систематическій. Ц. 1 р. 25 к. б) Русская Исторія съ портретами и картами въ текстѣ. Курсъ элементарный. Ц. 50 к.

2) П. ПОЛЕВОЙ. а) Учебная Русская Хрестоматія съ толкованіями, въ трехъ частяхъ: 1-я часть—50 к., 2-я часть—70 к. и 3-я часть—75 к. б) Методическая Русская Грамматика. Ц. 40 к.

3) П. ПОЛЕВОЙ. Исторія Русской литературы въ очеркахъ и біографіяхъ, съ большимъ количествомъ изящно исполненныхъ рисунковъ, помѣщенныхъ въ текстѣ. Цѣна за обѣ части 5 р. *Примѣчаніе.* Въ пятомъ изданіи новый періодъ пополненъ тринадцатью біографіями писателей новѣйшаго времени.

4) А. БАРАНОВЪ и Н. ГОРЬЛОВЪ. Географія Россійской Имперіи, съ картами и дополнительными и справочными свѣдѣніями. Курсъ среднихъ учебныхъ заведеній. Ц. 1 р.

5) А. ВОРОНЕЦКІЙ: а) Учебникъ Всеобщей Географіи, съ картами и картинами въ текстѣ, въ трехъ курсахъ: *Курсъ первый*—Общій обзоръ земнаго шара. Ц. 45 к. *Курсъ второй*—Внѣ-европейскія страны. Ц. 45 к. и *Курсъ третій*—Европа. Ц. 40 к. б) Иллюстрированная Учебная Географическая Хрестоматія, въ трехъ частяхъ: *Часть первая*—Общій обзоръ земнаго шара. Ц. 1 р. 35 к. *Часть вторая*—Внѣ-европейскія страны. Ц. 2 р. и *Часть третья*—Европа. Ц. 1 р. 65 к.

6) В. ЕВТУШЕВСКІЙ. Сборникъ ариметическихъ задачъ и численныхъ примѣровъ въ двухъ частяхъ: *Первая часть*—Цѣлыя числа. Ц. 35 к. *Вторая часть*—Дроби. Ц. 40 к.

7) А. ВОРОНОВЪ: а) Руководство Практической Ариметики. Ц. 75 к. б) Собраніе ариметическихъ задачъ, въ двухъ частяхъ: 1-я часть (цѣлыя числа). Ц. 30 к. и 2-я часть (дроби). Ц. 30 к.

8) П. ЕВСТАФІЕВЪ. 1) Новая Русская Литература. Ц. 1 р. 60 к. 2) Древняя Русская Литература въ двухъ выпускахъ: Ц. 1-го выпуска 50 к., а 2-го—75 к. и 3) Замѣчательные русскіе писатели въ отдѣльныхъ очеркахъ: а) Тургеневъ. Ц. 75 к. б) Гончаровъ. Ц. 50 к. в) Л. Толстой. Ц. 70 к. и г) Островскій. Ц. 70 к.

9) Н. БУНАКОВЪ. Хрестоматія для изученія образцовъ русской словесности, съ примѣчаніями, руководящими вопросами и біографическими очерками, въ четырехъ частяхъ: 1-я часть Ц. 60 к., 2-я часть—1 р. 50 к., 3-я часть—1 р. 20 к. и 4-я часть—90 к.

10) В. ИГНАТОВИЧЪ: а) Французская Азбука по аналитической системѣ. Ц. 60 к. б) Концентрическій Учебникъ Французскаго языка, сравнительно съ русскимъ и латинскимъ въ 3-хъ частяхъ: 1-я часть—Ц. 50 к., 2-я часть Ц. 60 к. и 3-я часть Ц. 1 р. 25 к. и в) Французскіе классики въ обработкѣ для чтенія въ учебныхъ заведеніяхъ, въ четырехъ выпускахъ: 1-й и 2-й вып. Molière, 3-й вып.—Corneille и 4-й вып. Racine. Цѣна каждого выпуска 1 р.

11) А. РАНСИ: а) Французская азбука. Ц. 30 к. б) Практическій учебникъ французскаго языка для низшихъ и среднихъ классовъ среднихъ учебныхъ заведеній. Ц. 1 р. 25 к. и в) Новая французская грамматика. Ц. 1 р. 15 к.

12) Прот. Д. СОКОЛОВЪ: а) Начальное наставленіе въ Православной Христіанской вѣрѣ. Ц. 20 к. б) Молитвы, Зповѣди и Символъ вѣры. Ц. 15 к. в) Священная Исторія Вѣтхаго и Новаго Заветѣ. по 30 к. и г) Ученіе о Богослуженіи. Ц. 40 к.

13) А. ДМИТРИЕВЪ: а) Собраніе Геометрическихъ Задачъ въ двухъ книгахъ: книга I—Планиметрія. Ц. 70 к., книга II—Стереометрія. Ц. 80 к. и б) Начальныя основанія Прямолинейной Тригонометріи. Ц. 75 к.

14) Проф. Э. БРАНЦЪ. Начальныя свѣдѣнія изъ Естественной исторіи, въ четырехъ выпускахъ. Руководство для реальныхъ училищъ: Цѣна *первѣго выпуска* 1 р., *вторѣго*—1 р. 10 к. *третьѣго*—1 р. 40 к. и *четвертаго*—1 р. 10 к.

15) А. ГЕРЦЪ: а) Руководство Минералогіи. для реальныхъ училищъ. Ц. 1 р. 50 к. б) Опредѣлитель минераловъ. Цѣна 1 руб.

16) В. ГЕРБАЧЪ: а) Прописи Русскія. Ц. 40 к. б) Прописи Французскія и Нѣмецкія. Ц. 35 к. и в) Прописи Латинскія и Греческія. Ц. 30 к.

17) К. ЕЛЬНИЦКІЙ: а) Учебникъ теоріи словесности. Ц. 75 к. и б) Сборникъ поэтическихъ произведеній. Ц. 45 к.

18) И. ГАРЧИНСКІЙ. Очерки изъ Анатоміи, Физиологіи и Гигіены. Ц. 1 р. 50 к.

19) В. СИПОВСКІЙ. «Родная старина». Отечественная исторія въ разсказахъ, въ трехъ выпускахъ (во всѣхъ трехъ выпускахъ 400 рисунковъ). Цѣна полнаго экземпляра 6 руб.

20) И. БЕДЛЯРМИНОВЪ: а) Руководство къ древней исторіи. Ц. 70 к. б) Руководство къ средней исторіи. Ц. 70 к. в) Курсъ всеобщей исторіи (элементарный). Ц. 80 к. г) Элементарный курсъ всеобщей и русской исторіи. Ц. 90 к. д) Курсъ русской исторіи (элементарный). Ц. 50 к. и е) Руководство къ русской исторіи съ дополненіемъ изъ всеобщей. Ц. 50 к.

21) А. КУНЦЕВИЧЪ. Учебникъ Ариметики.

Примѣчаніе. Всѣ заказы частныхъ лицъ и школъ на изданія Д. Д. Полубояринова исполняются только при высылкѣ, по объявленнымъ цѣнамъ, **всѣхъ денегъ впередъ.** При каждомъ заказѣ, по объявленнымъ цѣнамъ, на сумму меньшую пятидесяти рублей издатель, при разстояніи отъ Петербурга до 1000 верстъ, принимаетъ на свой счетъ всѣ расходы по пересылкѣ требуемыхъ книгъ; при разстояніяхъ же 1000 и болѣе верстъ слѣдуетъ присылать на пересылку согласно новой возвышенной почтовой таксъ по 10 коп. съ каждаго фунта на каждую 1000 верстъ. При каждомъ же заказѣ на сумму 50 и болѣе рублей издатель дѣлаетъ съ объявленныхъ цѣнъ **20 процентовъ** уступки, но въ этомъ случаѣ всѣ расходы по пересылкѣ, упаковкѣ и страховкѣ товара падаютъ на покупателя; товаръ же отправляется или по почтѣ или черезъ Контору Россійскаго Общества Транспортированія кладовъ.

